

ХВАТКА НЕЖИТИ

Александр Лобашов

18+

Александр Лобашов

Хватка Нежити

<https://litres.ru/74250398>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите убежать подальше от реальности? Тогда будьте готовы оказаться в мире куда более жестоком, чем наш.

«Катарсис» — это симуляция, в которой ваше сознание становится главным оружием и главной мишенью. Сюжет игры, наполненной восставшей нежитью, космическими богами и инквизиторами, — лишь декорация для главного испытания: испытания на человечность.

Геката пришла сюда не за приключениями. Её отец — один из тех, кто застрял в игре. Она новичок в этой вселенной, но ненависть к вымышленному миру и отчаянная любовь к отцу помогают ей не потерять себя и отыскать родного человека.

Генри Горано исполняет свою маленькую мечту, становясь борцом с нечистью. Пусть он уже достиг совершеннолетия, его взросление продолжается.

А где-то в технограде Юниос сыщик Пит Найс сражается с прогнивающей системой, боясь столкнуться лишь с душевными терзаниями из прошлого.

Текст ломает жанровые ожидания: это и мрачное литрпг, и психологическая драма, и детектив, и мета-проза о природе творчества.

18+

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Александр Лобашов

Хватка Нежити

Пролог

«Мне силу страшную дал разум.
И в новый путь мой дух пустился сразу.
Пусть все кричат, что я жесток и ненавистен,
Но мой фарватер – лишь искатель истин.
Я заплачу сполна, чтоб заглянуть за край.
То измеренье превосходит Ад и Рай.
Ведь лишь оно во мне рождает трепет.
Как ясный сон, прикосновение любви
Иль детский лепет...»
Из стихотворения неизвестного автора

Глава 1. Перерожденная

Гекату предупреждали, но она видела перед собой лишь цель.

И вот: началось.

Началось, как сон. Дверь за спиной захлопнулась с оглушающим боем гонга. Или колокола. Уже не ясно. Обволакивающая темнота захлестнула с головой. Многомерный коридор беспардонно отнимал все, что можно представить. Чув-

ство равновесия, ощущение собственного дыхания, эмоциональный фон. Осталось лишь чистое и обнаженное сознание. Беспристрастное. Лишенное боли и волнения, но вместе с тем любви и блаженства.

Микроскопические щупы поддевали каждый атом тела, унося в небытие, а затем возвращая нечто новое. Часть души не желает принимать инородную материю, но уже никто не спрашивает. Процесс запущен.

Потерпи. Скоро все встанет на свои места.

Просто открой новые глаза.

Геката заглядывает в пустоту и первое, что встречает, — беспмятство. Ее восстанавливают по кусочкам. Ей страшно. Она не успевает осознать происходящее, эмоции захлестывают разум, подобно волнам цунами. Одна среди бескрайней пучины новых ощущений. Как утопающий, хватющийся за обломки корабля, она старается зацепиться за одну единственную мысль. Нет, не выжить. Нечто большее.

Сказали, что будет тяжело первое время. Как будто кто-то вонзит дрель в голову, просверлит дырочку и высосет память. Поэтому нужно сконцентрироваться, чтобы оставить хоть капельку воспоминаний для начала пути. Не обойдется и без борьбы.

Люди в белых халатах. Запах собачей шерсти. Сумасшедшие вопли. Алая капелька, выглянувшая из первой ранки. Дешевый алкоголь. Сумерки. Ночной снегопад. Смех приятной женщины. Это мама? Боль в груди. Зуд. Ноги подка-

шиваются. Разговоры сотен людей одновременно. Усмехающиеся тени. Свежий воздух. Пощечина. Вкус фисташкового мороженого. Вода, пахнущая травой. Неудобная одежда. Умиротворяющий закат.

Мелькающие образы из прошлой жизни. Геката не понимает, кому они принадлежат. Неужели, только ей?

Нужно сконцентрироваться на главной мысли.

Вот только хватит ли одной целеустремленности? Готова ли она столкнуться с непознанным? Не ослепила ли самоуверенность? Впрочем, задумываться поздно. Вселенная во круг уже затвердела.

Тяжелый вздох отразился сиплым стоном. Молодая черноволосая девушка выгнулась и спешно поднялась с холодного пола. Сквозняк жадно пощипывал ее бледную кожу. Она обняла себя и испуганно огляделась. Неказистые булыжники соединялись в жуткие стены. Подземелье. Темница. Пахло сыростью и старостью.

Геката даже не сразу заметила, как ее повседневную одежду сменила поношенная роба, сшитая из грубой ткани. Босая и непричесанная, она стояла посреди средневековой тюремной камеры, стараясь удержать в голове одну простую мысль: «Найти его!»

Да, она до сих пор смогла удерживать это в сознании.

Вечно грустный взгляд зеленых и по-настоящему глубоких глаз скользил во тьме. С каждой секундой дыхание усиливалось. Пульс учащался, отчего грудь уже заметно взды-

малась. Все эти «декорации», как ей сообщили, казались чересчур правдоподобными. Вкус пыли на губах заставлял машинально отплевываться.

Геката ощущала, как по телу пробегают мурашки. Мрак не давал как следует оглядеться, но вскоре, будто по волшебству, возник первый источник света. Маленькая свечка под ногами. Девушка тут же склонилась, увидев возле ступни небольшой сверток. Приоткрыв его, она облегченно вздохнула. Ей позволили взять с собой только одну фотографию, но она – важнее всего.

Вслед за первой свечкой начали зажигаться другие, образуя маленькую дорожку, проливающую свет на грубые стены. Небольшой отряд черных насекомых судорожно скрылся в щелях, боясь обнаружения. Заметив на стене выскобленные надписи, Геката прищурилась.

Сейчас она хваталась за любую подсказку, а потому начала изучать неказистый текст:

«Как-то раз в одной неблагополучной семье родился мальчик. Его мать пила и гуляла, а отец терял остатки души на войне. Сверстники не понимали его, а взрослые попросту отворачивались. Не было в жизни этого мальчика места ни любви, ни счастью. Лишь бездонная пропасть во мрак.

Но кое-что все же грело больное сердце – вера в настоящую человечность. Вот только чем старше становился мальчишка, тем более жестокие люди окружали его. А страдания внутри приближали смерть.

И вот однажды пришло Зло, сказав: “Пусти в сердце суть мою, и да облегчится боль“. На что парень согласился, ведь не дал ему никто иного выбора. Черной мглой окрасилось нутро, и стало Зло его единственным другом.

Кормил и взращивал он этот мрак до тех пор, пока не пришли самопровозглашенные святые. “Тьма сжирает изнутри, – говорили они, – Откройся нам, и поделимся мы светом, чтобы исцелить“.

А Зло отговаривало, твердило, что обманут.

Но парень решил дать людям шанс.

Он открыл свою душу нараспашку и шагнул вперед, а святые лишь испугались, увидев, что свет здесь уже не спасет. Обнажили они свои пики и вонзили в сердце несчастного. Парень свалился замертво.

Хотели святые уже похоронить парня, как вдруг посыпался стальной град из гнева и ненависти. Обагрившиеся лица ужаснулись. Вырвался из раненного сердца Черный Пес. И хозяин его восстал из мертвых. Произнес он: “Имя мое – Порицатель. Страшитесь, ибо я есть отражение ваше“».

На последних строчках Геката поморщилась. Кто мог придумать этот бред? Девушка поняла, что теряет время, и решила пуститься на поиски выхода.

Узницу окружало всего три стены из камня. Четвертая представляла собой ржавые прутья. Слишком близко расположенные друг к другу, чтобы пролезть между ними. Девушка схватилась за решетку и попыталась расшатать ее. Под

звон амбарного замка прутья наотрез отказывались поддаваться.

Геката скоро поняла, что так просто не выберется из своей камеры, и отшатнулась от решетки. Ее грудь посетила неумолимая тоска. Пустота, пронизывающая с ног до головы, распространилась по венам. Хотелось отчаянно закричать.

Геката перевела взгляд на свои ладони. Тонкие пальцы, короткие ногти, даже едва заметный шрам на внутренней стороне запястья. Она получила его, когда училась кататься на велосипеде. Вот бы сейчас вернуться в те беззаботные времена. Или хотя бы убедиться, что все это лишь сон. Увы, но, в отличие от осознанного сновидения, Геката не могла менять реальность вокруг себя. Она даже не была до конца уверена, что полностью управляет собственным телом.

От печальных мыслей отвлек шорох, донесшийся из самого темного угла. Геката резко повернула голову в сторону звука и замерла. Свечки, как по заказу, медленно зажигались, давая тусклое освещение, но какая-то часть Гекаты совсем не желала узнавать, что же прячется там во тьме. Затхлый воздух разбавился чувством тревоги. И, казалось, неспроста. В углу сидел скелет, прикованный кандалами. Геката вздрогнула и прижалась спиной к прутьям. Неужели шорох ей всего лишь показался? Мертвец давно истлел, как и его одежда. Череп уныло наклонился, а потрескавшиеся фаланги сжимали старую бумажку.

«Еще одна сказка?» – подумала Геката, настраивая себя

на борьбу со страхом. Она осторожно приблизилась и выдержала бумажку. Кости частично осыпались.

Девушка отошла подальше от скелета, туда, где было больше света, и взглянула на послание:

«Мы с тобой в одной клетке. Вот только камера одиночная, потому в кандалах только я. Это несправедливо».

Геката нервно сглотнула, а в следующий момент черепушка незаметно наклонилась настолько сильно, что рухнула на пол. Девушка взвизгнула, уронив записку, а из расколотой черепной коробки выбежала уродливая крыса и скрылась за прутьями.

Это все похоже на издевательство. Словно кто-то наблюдает со стороны и тихонько посмеивается. Есть такая черта у людской сущности, и Геката прекрасно об этом знала.

Она услышала глухой звук, раздавшийся за пределами камеры. Вновь обхватив прутья, она попыталась взглянуть в темноту коридора. Черная пустота. Словно кто-то мазут разлил. А звуки становились все четче. Лязг металла, выкрики людей. Геката поняла, что там происходит какая-то драка.

– Я здесь! Эй! – хрипло прокричала она.

Дружелюбно ли настроены те, кто создавал этот шум? Девушка задумалась, стоит ли ей раскрывать свое местоположение. Она прижала пальцы к губам и продолжила наблюдать за мраком, который вскоре стали покусывать оранжевые отблески.

Из-за угла показались два обнаженных человека. Их ру-

ки оснащены протезами с большими металлическими штырями. На головах – черные мешки. Они пятились, издавая отвратительные визги и рыки. За ними показался мужчина в серой куртке. В левой руке он держал факел, а в правой – окровавленную саблю. Лицо его светилось грозным оскалом. Он наносил яростные удары, разрывая сталью мясо соперников. Мешкоголовые не сдавались. Проливая много крови и получая огромные раны, они продолжали накидываться на него, но парень был проворнее и сильнее.

– Перерожденная? – выкрикнул он, увидев Гекату за решеткой, – Сейчас. Погоди секунду!

Парень вонзил саблю прямо в лицо одного из врагов и оставил ее там, освободив руку. Всего на пару секунд, чтобы опустить ее в карман, достать небольшой предмет и кинуть его пленнице. Затем он вырвал свое оружие из кровоточащей головы и тут же хлестким ударом поразил второго неприятеля.

Геката судорожно опустилась на колени, подбирая вещьцу. Это был ключ. Трясущиеся пальцы поднесли его к замку. Виски пульсировали. Казалось, такое простое действие – вставить ключ в скважину и повернуть, но в данной ситуации это было сложно. Настолько, что она в какой-то момент попросту выронила спасительный предмет.

Несмотря на увечья, нанесенные мешкоголовым, парень продолжал хлестать их саблями. Существа пятились, но не прекращали защищаться. Геката наблюдала за этим краем

глаза. Страх внутри нее нарастал. Неужели эти монстры бессмертны?

– Скорее! – закричал парень. – Я не могу долго держать их! Открывай клетку и беги!

Геката сглотнула и кивнула сама себе. Нащупав упавший ключ, она заставила себя действовать как можно плавнее, без суеты. И вот, спустя несколько секунд, замок поддался. Тихий щелчок подарил неописуемую радость, девушка даже слегка улыбнулась. Замок рухнул на пол, дверца распахнулась. Геката рванула из клетки, шлепая босыми ногами по неровному полу.

«Куда бежать?» – пронеслось у нее в голове.

Спаситель провел серию режущих ударов по одному из врагов, но второй обошел сзади и всадил ему в спину оба штыря. Парень выгнулся, выплевывая слюну с кровью. Лягнув нападавшего, он снизил себя с ржавого железа и резко развернулся, отрубив обидчику голову. Убедившись, что агрессивные голодранцы повержены, он рухнул без сил.

Геката ринулась к нему и тут же подобрала упавший факел.

– Брось меня, Перерожденная... Меня уже не спасти...

Мужчина лежал на спине, истекая кровью. Его пыл угас. Надвигающаяся смерть подарила ему спокойствие. Напоследок он сказал лишь одно слово:

– Забери.

Хлопнув ослабшей ладонью по тряпичной сумке на плече,

он выдохнул и закрыл глаза.

— Твою мать, что здесь вообще творится?! Это ужас какой-то! — выдавила из себя Геката, чувствуя, что готова заплакать.

Но ее ступор прервало шевеление поверженных тварей. Девушка взвизгнула и поспешила последовать совету спасителя. Перекинув сумку через плечо, она схватила саблю и ринулась прочь. А существа устало поднимались на ноги. Если поспешить, возможно, они не догонят.

Впереди Гекату ждал лабиринт. Ей все равно, куда бежать, какое направление выбирать на развилках. Она хотела лишь оторваться от тех кошмарных существ. И ее совершенно не беспокоило, что дальше могли встретиться другие.

Девушка бежала со всех ног, изредка останавливаясь для передышки. В эти секунды в голове возникали вопросы. Самые банальные. Где, почему, а самое главное — за что? Того, что происходило здесь и сейчас, Геката не ожидала. Она сбита с толку. И лишь оказавшись в относительной безопасности, она смогла вспомнить свою главную цель.

Найти его. Человека, который очень дорог. Человека, который свернул с правильной тропы. Человека, которого нужно срочно спасать. Именно из-за него Геката и пошла на это, откровенно говоря, сама погрузив себя в неопишемое безумие.

Миновав очередной закуток, девушка увидела каменную лестницу, ведущую вверх. Тусклый свет. Выход?

Она поспешила к лестнице, но путь оказался прегражден. Низкорослый человечек с зеленоватым оттенком кожи и оттопыренными острыми ушами. На голове красовался металлический обруч, закрывающий то место, где должны быть глаза. Большая пасть скалилась десятком острых клыков. С нижней губы капала густая слюна. В руках карлик держал цепь с черным капканом на конце.

Монстр демонстративно шмыгнул маленьким носом. Учуяв жертву, он зашипел и посеменил в сторону Гекаты. Девушка вздрогнула, вытянув перед собой саблю.

– Нет! Не подходи!

Уговаривать существо оказалось бесполезно. Геката попыталась отогнать тварь короткими выпадами клинка, но карлик просто отпрыгнул и стал раскручивать цепь.

Геката встала как вкопанная. С широко открытыми глазами она наблюдала за поведением противника. Она понимала, что своим бездействием совершает ошибку, но что делать, она не представляла.

Тварь внезапно метнула раскрученную цепь. Именно тем концом, где был капкан. Тяжелая железяка впилась в бедро. Острая боль. Не такая сильная, как ожидалось, но парализующая. Девушка вскрикнула, уронив и факел, и саблю. Опустившись на колено, она схватилась за капкан, сжимающий окровавленную плоть. Попытки освободиться не увенчались успехом. Геката даже не заметила, как существо подобралось к ней вплотную. Когтистые пальцы схватили ее голову. Де-

вушка начала отбиваться, стараясь оттолкнуть чудовище, но карлик быстро поднес к ней свое вонючее лицо.

– Нет... – лишь успела проронить Геката, перед тем как зубы впились в ее щеку.

Монстр мелодично прорычал и откусил половину лица. Геката завопила. Залитый кровью глаз наблюдал за тем, как во рту существа тонет ее кожа. Тварь проглотила лакомство и снова укусила Гекату за обнаженное мясо.

Абсолютная темнота.

Спустя несколько секунд небытия Геката вскочила с пола и схватилась за лицо. На мгновение она перепутала слезы с кровью, но вскоре убедилась, что с ней все в порядке. Бедро также оказалось нетронутым.

Девушка находилась все в той же камере. Напротив – на скальные надписи про какого-то Порицателя, позади – решетки.

– Все по-новой? – спросила сама себя.

Все по-новой. Зажигающиеся свечи, прикованный скелет с крысой в черепе, приближающийся шум схватки, мужчина, сражающийся с двумя чудовищами в мешках, бросок ключа, свобода, смерть спасителя, бесконечные коридоры лабиринтов, лестница на выход, зеленокожая тварь с капканом на цепи.

Геката попыталась проскочить мимо карлика, бросив факел ему в лицо. И ей удалось миновать его, приблизившись к лестнице, но капкан резко впился в ее спину.

Девушка упала на колени, корчась от боли. Существо схватило ее за подбородок и потянуло лицом кверху. Освободиться из хватки было невозможно. Тварь впиалась клыками в лицо, отрывая кожу и забрызгивая все вокруг кровью.

Абсолютная темнота.

И вновь Геката вскакивает на ноги, целая и невредимая, но уставшая морально. Все по-новой.

Как только ключ упал рядом с решеткой, Геката схватила его и постаралась открыть замок как можно скорее. Когда она выбежала из камеры, союзник еще не был поражен подлым выпадом. Девушка не стала ждать в этот раз и помчалась к нему. Со всей силы пнув монстра в живот, девушка спасла незнакомца от удара в спину. Парень тут же развернулся и отрубил голову врагу.

– Ты спасла меня? – удивился он, но вскоре нахмурился и грозно рявкнул: – Не помогай мне! Просто беги!

– Одна я не справлюсь! – завопила Геката в ответ.

Диалог тут же прервал первый мешкоголовый. Проткнув живот парню, он перевел на себя внимание, и тот стал наносить быстрые колющие удары в лицо и грудь монстра.

– Беги, я тебе сказал! Твое спасение важнее всего!

Как бы Геката ни хотела помочь своему единственному союзнику, ей это не удалось. Исход был тот же: умирающий, но удовлетворенный своей работой мужчина. Оставалось лишь, как прежде, схватить факел, саблю и сумку и ринуться к выходу.

Но на этот раз, проходя лабиринт, Геката не спешила. Искалеченные тюремщики ее все равно не догонят. А натывать на новых ей хотелось меньше всего.

Пробираясь вперед, Геката осознала, что первые два раза двигалась хаотично, скорее всего, выбирая разные пути на развилках. Но при этом она все равно вышла к лестнице. Совпадение?

И тут она поняла, что не замечала редко рассыпанные по полу свечки. Те самые, которые встретили ее еще в камере. Девушка неосознанно шла, ведомая ими, как по «хлебным крошкам». Дорога оказалась очевидной, но ведущей к кроваждному врагу.

Геката решила, что обязана попробовать другой путь. Зачем тусклые огоньки, когда в руке – источник более яркого света?

Выставив факел перед собой, она покрепче сжала рукоять сабли и осторожно двинулась в первый темный коридор. Стараясь дышать как можно тише, она чутко вслушивалась. Сети паутин плавилась, стоило огню приблизиться. Жирные пауки разбегались, боясь Гекаты, как смерти. Изредка пробегали крысы. Здесь во мраке тоже кишела жизнь.

Напряженная, ступающая на полусогнутых ногах, словно доисторическая воительница, девушка двигалась все глубже в неосвещенную часть лабиринта. Неизвестно, сколько времени прошло, пока она пробиралась по неизученным тропам, но коридоры завели ее в просторное помещение. Даже

факел не справлялся с освещением этой комнаты.

На полу валялись кости. Геката осторожно переступала через них, двигаясь к центру. На ее пути стоял металлический стол, заполненный отблескивающими предметами. Но-жовки, скальпели и прочие хирургические инструменты, перепачканные не то кровью, не то дерьмом.

Обойдя стол, девушка приблизилась к каменному столбу. Замерев от испуга, она обнаружила приколоченное большими железными клиньями тело. Руки отрублены, плечи защищены. Видимо, чтобы жертва не истекла кровью раньше времени. На голове – черный мешок. Окрашенная кровью рубашка наполовину расстегнута. На груди глубоко вырезана надпись: «твой друг». Ниже что-то еще.

Геката глубоко вздохнула, перебарывая страх. Острием сабли она осторожно приоткрыла рубашку шире:

«Твой друг ДЕТОУБИЙЦА».

Запах гниения заставил прокашляться. Геката сделала пару шагов назад и вдруг уперлась в стол. Отпрыгнув, она увернулась от падающей пилы. Тихо выругавшись, она снова взглянула на тело: в распоротый живот, из которого торчала добрая половина кишок, вставлен продолговатый предмет. Прищурившись, девушка увидела фитиль и отдернула факел назад. Динамит. Не хватало еще подорваться так нелепо.

– Пожалуйста, «друг», только не оживай, – поморщившись, произнесла Геката и принялась отковыривать саблей динамитную шашку.

И когда та упала на пол, девушка подкатила ее к себе и быстро спрятала в сумку. Кажется, появилось новое оружие, способное помочь в борьбе с зеленым карликом.

Перед тем, как покинуть помещение, Геката решила его осмотреть полностью, но больше не обнаружила ничего полезного. С другой стороны столба она увидела очередные выцарапанные каракули:

«За то, что я делаю, все видят во мне безумца. Но знаешь, что я считаю истинным безумием? Ненависть ко мне. Я открываю людям глаза. Я показываю им суть души. Я презираю их, но при этом хочу помочь.

Как, например, сейчас.

Твой лучший друг убил твою единственную дочь. И все твердят, что у него не было выбора. Все обвиняют только меня. Но вот что я скажу: глупо обижаться на зеркало.

Есть смысл таить обиду лишь на бога.

О, это будет самый лучший комплимент за всю мою отвратительную жизнь. Я жду тебя, Вениамин».

Геката злобно сплюнула. Это не ее Ад, а какого-то мужика со смешным именем. Но все же ее сюда поместили. Зачем?

Она вернулась в коридор, отбрасывая мысли о чужих страданиях и стараясь не наступить на какую-нибудь пещерную букашку. А лабиринт вел ее в тупик. Раз за разом. Пока она не встала на путь со свечками.

Выбора не было. Дать бой необходимо.

Облезлая мышь обогнала Гекату, двигаясь к лестнице.

Она почти достигла первой ступеньки, но монстр с цепью жестоко раздавил ее ногой.

– Эй, грязное животное! – завидев существо, прорычала Геката, убирая саблю за пояс. – На-ка, пожри говна!

Девушка поднесла динамит к факелу, и, когда фитиль заискрился, она метнула бомбу в сторону неприятеля. Взрывчатка шлепнулась прямо перед монстром, преграждая ему путь. Вот только существо не стало бежать навстречу Гекате в этот раз. Увидев опасную штуковину, монстр, наоборот, быстро попятился.

«Чего? Оно боится? О, нет!» – пронеслось в голове у Гекаты.

Шашка взорвалась. Поднятая в воздух пыль, микроскопические ошметки каменных стен смешивались с черным дымом. Геката закашляла и машинально сделала пару шагов назад. Сквозь эту густую пелену невозможно было ничего разглядеть. Она быстро осознала, что допустила ошибку, но было уже поздно. Взрывчатка использована, враг пропал из виду. Теперь она могла ориентироваться только по звуку.

Громкие шаги не заставили себя ждать. Где-то в облаке чудовище резво приближалось. Геката выхватила саблю. Несмотря на провал с динамитом, ей не хотелось сдаваться. Всякий раз, когда это безумие повторялось, она испытывала невероятную злость. Надолго ли ее хватит?

И вот, когда силуэт показался в «тумане войны», девушка метнулась к нему, замахиваясь клинком. Злобный карлик

рыкнул и отбросил в ее сторону капкан. Геката зарычала и со всей силы ударила факелом по оружию врага. Капкан захлопнулся. Громкий клацающий звук металла заставил девушку ухмыльнуться. Убедившись, что существо лишилось своего козыря, Геката накинулась на него и стала наносить быстрые колющие удары, целясь в голову. Какие-то выпады проходили мимо, но монстру хватило и одного удара, чтобы свалиться. Победа, но не окончательная. Геката набросилась сверху и продолжила дырявить его череп, выкрикивая бесвязную ругань.

Зеленоватая кровь хлестала из изуродованного лица, пачкая ее с ног до головы. Тело его уже обмякло, но девушка продолжала втыкать саблю. Пыль почти осела, желанный выход снова старался притянуть своим светом, а Геката не могла насытиться собственной жестокостью.

И лишь когда силы стали покидать девушку, она прекратила. Выпрямившись и круговым движением головы поправив волосы, она пошатнулась и медленно двинулась к лестничному проему. Солнечный свет был настолько ярким и теплым, что могло показаться, будто кто-то откровенно заманивает вверх.

Но оставаться здесь она точно не собиралась. К тому же факел был испорчен. Девушка уверенно побрела по ступеням. С каждым шагом мрак отступал, но Геката понимала, что частица ее души навсегда останется в этом мерзком подземелье.

Выйдя наружу, она, щурясь, прикрыла лицо ладонью. Девушку встретило беззаботное щебетание птиц. Привыкнуть к солнечному свету весьма сложно, но, оказавшись на свежем воздухе, она ощутила приближающееся умиротворение. Даже несмотря на то, что она полностью измазана в смердящей крови.

Выдохнув, она осторожно огляделась. Хвойный лес. Где-то в стороне журчала река. Внезапно раздался шум, похожий на взрыв. Подобный взрыву той бомбы, но гораздо сильнее. Грохотало за спиной, но девушке показалось, будто звук возник прямо в ее голове.

Резко развернувшись, она обнаружила, что проход теперь завален.

«Как это возможно? Впрочем, плевать. Совсем не удивительно».

Геката уныло вздохнула и уже собиралась идти вперед, как вдруг заметила белоснежный листок бумаги. И на нем что-то написано.

Не справившись с любопытством, она подняла бумажку и прочитала:

«Перерожденного окончательно может убить только Перерожденный».

Девушка смяла листок и отбросила в сторону. Все эти записки уже изрядно надоели. Она быстро направилась к реке. Перед тем, как искать дорогу, необходимо смыть с себя зеленую жижу.

По дороге к реке Геката любовалась пейзажем. Только что она была узницей мрачной темницы, а сейчас ее окружала картина вполне живописного рельефа. За всю свою жизнь Геката не видела большей красоты, пусть и не хотела признаваться себе в этом.

Добравшись до берега, девушка рухнула на колени и окунула руки в воду. Приятная влага. Прохладная, но не более, чем дающая возможность заглушить жар тела.

Суетливо очистив руки, она сложила ладони в лодочку и набрала как можно больше воды. Склонив голову, она на секунду замерла. Сквозь ее разум прошло странное предчувствие, а когда она все же решилась хлестнуть себя водой, ее посетило воспоминание.

Не так давно она стояла перед умывальником и с такой же силой била лицо холодной водой. Смыть потекший макияж почти удалось, а вот слезы как будто въелись в кожу. Она была готова разрыдаться снова, ее переполняли бессилие и всепоглощающее одиночество.

Мужчина в белом халате одернул Гекату фразой:

– Я, конечно, все понимаю, но вы тело забирать будете?

Его лицо выражало смесь циничности и усталости. Абсолютно никакого сочувствия. Геката вглядывалась в его голубые глаза, не зная, что ответить.

– Женщина, – вздохнул он, – у нас времени нет. Ответьте на вопрос, пожалуйста.

Геката прокашлялась и быстро проморгалась.

– Что? Подождите, но как я... – она потупила взгляд и всхлипнула. – Я не смогу ведь.

– Ладно. Тогда я подаю заявку на похороны.

Мужчина спешно вышел из светлого помещения, оставляя Гекату в тишине, которую нарушала лишь вода, текущая из крана.

– Постойте! Я ведь смогу присутствовать на них?

– Конечно, сможете, – отдаляясь, ответил мужчина. – Вам пришлют сообщение.

Она машинально приподняла руку, протянув ее в сторону уходящего, словно желая остановить его. Слезы наворачивались на глаза. Мерзкое чувство, когда не желаешь, чтобы тебя покидал даже самый неприятный собеседник.

Эта утрата погрузила Гекату в состояние, которое нельзя сравнить даже с депрессией. Одиночество в окружении людей.

Переживая каждый год жизни, она ненавидела их все сильнее.

Едкое воспоминание, заставляющее совсем недавно зажившие раны зудеть по-новому. Оно одновременно угнетало и заставляло двигаться вперед.

Отмывшись, насколько это было возможно, Геката облегченно выдохнула в небо. Мелодичный шум реки сливался с далеким завыванием ветра и редким пением птиц. Гекате не хотелось думать. Она понимала, что оказалась в нелегкой ситуации, и ей необходимо спешить. Но именно сейчас что-

то заставляло ее просто стоять с закрытыми глазами, отдаваясь спокойствию и одиночеству.

Временному одиночеству.

Послышались приближающиеся шаги. Несколько мужчин что-то активно обсуждали. Геката очнулась от забытия и спряталась за дерево, наблюдая за незнакомцами.

– Ну ты и придурок, конечно, хе-хе. – Самый крупный из них задорно шел во главе. – Вперед папы полез. А теперь посмотри на себя. Как побитый школьник выглядишь.

– Да иди ты! Сам позвал сюда, а когда помочь надо было, за повозку спрятался! – Второй выглядел женственно, по большей мере из-за прически, схожей с каре.

Третий молча шел позади всех, опираясь на большой посох. Все трое выглядели как классические средневековые разбойники из детской сказки.

– Давай, не выеживайся! – первый перебил второго, оглянулся и хлопнул того ладонью по животу. – Сам накосячил. У них был огнестрел.

– В том-то и дело! Нужно было сближаться. Да и вообще, наша повозка теперь в труху, а лошадь сбежала. Если бы не твоя идея, мы бы сохранили ее подольше. Как мы теперь пойдем назад? Пешком?

– А ну не ной! – сквозь зубы процедил первый. – Или тебе напомнить, как...

– Здесь кто-то есть! – Третий остановился и настороженно огляделся.

Амбал коварно улыбнулся, отвлекшись от конфликта:

– Я же говорил, что сюда нам надо.

Он сложил ладони в рупор у своего рта и прокричал во весь голос:

– А ну выходи! В прятки играешь?

Геката вздохнула и неохотно покинула укрытие. Все равно уже обнаружили. Может, они, если и не помогут с поисками, хотя бы не доставят хлопот?

– Мне проблемы не нужны, – уверенно произнесла она, глядя на троицу.

Мужчины подошли поближе, и теперь она могла оглядеть их получше. Самый крупный, который, по всей видимости, был кем-то вроде главаря, облачен в кожаную броню. За спиной – огромный молот, а на груди – ремень с ножнами, в которых хранился боевой кинжал. Его товарищ с девичьей прической – худощавый, одет в подобие такой же брони, но менее плотной и продырявленной в нескольких местах. На поясе у него красовались два одноручных меча. Третий был одет в синюю мантию и выглядел менее агрессивно, чем остальные.

Главарь присвистнул.

– Ничего себе! Девчонка! Вот такого даже я не ожидал. Ты чего тут забыла, роднуля? Заглянула посмотреть, что тут интересного?

– Мы разве похожи на проблемных? – оскалился мечник.
– Пошли с нами. Мы тут многое знаем.

– Спасибо. Я как-нибудь сама.

Геката не хотела трепаться с парнями, интуиция подсказывала, что помощь этих людей оставит ее в огромном долгу.

– Да брось! – Крупный подошел почти вплотную, хищно осматривая Гекату. – В этом мире дружба – самое ценное. Давай знакомиться. Меня зовут Артур, этот патлатый – Цицерон, а за моей спиной – Грюня. Ты не смотри, что мы такие страшные. На самом деле мы славные парни.

Геката отступила.

– Я здесь ищу кое-кого. Думаю, нам не по пути. Простите.

Артур чуть нахмурился. По его лицу не сложно было заметить, что поведение собеседницы ему не нравилось. Он постарался дружелюбно улыбнуться.

– Ох, мы все равно болтаемся без дела. А тут такая приятная компания вырисовывается.

– Да, давай с нами? Тут очень опасно по одному, – вмешался Цицерон.

Артур отвесил ему подзатыльник. Тот отклонился в сторону, тихонько обходя Гекату.

– Не волнуйся ты так, родная. – Артур взглянул в сторону, откуда Геката пришла к реке, и сочувственно сдвинул брови. – Лабиринт Порицателя. Испугалась, верно? Тебя можно понять. Закинуло в такое опасное место. Знаешь, я тоже отсюда начинал. Поверь, даже мне было страшно. Все эти пауки и крысы, бр-р!

Геката молчала. Она то смотрела на Артура, не желая под-

нимать взор выше его шеи, то оглядывалась на побитого Цицерона. А бугай продолжал болтать.

– Ты говоришь, что ищешь кого-то? Все начинают поодиночке. Напарников всегда закидывает куда-то в другое место, даже если пришли сюда одновременно. Кстати, как тебя звать хоть? Мы-то представились.

– Гек... Знаете, мне плевать на то, что тут происходит, кто такие эти ваши Порицатели, Вениамины, и вообще на весь мир. Плевать. Глубоко плевать. Я здесь только за тем, чтобы вытащить одного человека.

Девушка достала сверток с фото и неохотно протянула Артуру.

– Вы видели его? Знаете, как можно найти?

Главарь вдумчиво взгляделся в изображение, на котором улыбался мужчина лет за сорок. Потрепанные волосы, худощавое лицо и уставшие глаза.

Грюня подошел ближе и слегка выглянул из-за плеча Артура, всматриваясь в фото. Ему хватило пары секунд, чтобы хмыкнуть и отрицательно помотать головой. Артур же продолжал изучать.

– Знаете, девушка, – менторским голосом произнес Грюня, – Внешность можно изменить.

Артур резко поднял взгляд и прищурено оскалился.

– Я знаю этого человека, – уверенно ответил он.

И тут Геката испытала страх, глядя в его глаза. Впервые после выхода из подземелья она ощутила душевный диском-

форт едва ли не физически. Ей уже не важно, что могут рассказать эти люди, ведь она столкнулась с чем-то куда более жутким, нежели темные подвалы и монстры. На лице Артура она прочитала ложь.

– Вот, заберите это, – девушка сняла с плеча сумку и вручила Артуру, – меч я оставляю себе, ваше оружие все равно гораздо внушительнее. А сейчас я пойду. Хорошо?

Геката протянула руку к фото, но Артур резко отвел его в сторону, нагло ухмыляясь.

– Нет, не хорошо.

Когда амбал отобрал сумку, Геката ощутила, как ноги сами собой подкосились. В глазах потемнело. Захотелось превратиться в кошку и вцепиться когтями в это нахальное лицо, но тело будто парализовало.

Артур уже копался в содержимом сумки. Два бутылка, яблоко и небольшой кожаный кошелек с монетами.

– Я же сказал, что знаю этого человека. Почему ты решила отказаться от помощи? Мы тебя проводим к нему.

Он достал красный бутылек и метнул его Цицерону. Синий же полетел к Грюне, на что тот произнес в сторону Гекаты:

– Я обязательно верну.

– Что за грязь? – возмутился Цицерон, осматривая тару, испачканную шашкой динамита.

Девушка молчала.

– Хм, мелочь... – Артур бросил пустой кошелек в сумку,

а ту – на землю и пронзительно уставился на Гекату, демонстративно откусив яблоко. – Парни, как думаете, это действительно девочка?

Геката почувствовала урчание в животе. При виде того, как Артур смачно вкушает ее еду, она ощутила голод. Впервые за все время, проведенное здесь.

Грюня задумчиво ответил:

– Всегда поражался твоему таланту ходить по грани, обсуждая мироустройство, Артур. Смена внешности стоит бешеных денег. И при этом глупо начинать путь как бедняк. Но вероятность, что это мужик, конечно, есть. Пусть ничтожная.

Геката уже боялась оглядываться, а кинжал на груди главаря с каждой секундой нагонял все больше тревоги. Она смотрела теперь только на Грюню. Он единственный внушал хоть какое-то доверие. Но в его глазах она читала лишь жалость.

Он не поможет, если ей потребуется защита.

– Да и ладно, в принципе. – Артур еще раз откусил яблоко, звонко и жадно причмокивая.

Геката чувствовала, как усталость усиливается многократно. Колени подрагивали. Ноздри не ощущали вдыхаемый воздух. Кончики пальцев утратили чувствительность, будто постепенно растворялись. Голова закружилась.

Артур откусил еще чуток и откинул яблоко в сторону, снова обратив внимание на фото.

– Не беспокойся ты, мы проводим. Тут недалеко деревня. Ее после войны восстанавливают. Там есть отличный трактир. Туда нам надо.

Геката сжала ладони в кулаки. Насупившись, она показала свой оскал и процедила сквозь зубы, стараясь держаться уверенно и строго:

– Я никуда с вами не пойду.

Артур еще раз причмокнул. Глядя на девушку, он прошепел языком по верхней десне и перевел взгляд на изображение.

– А знаешь, – ухмыльнувшись, он смял фотографию и отбросил в грязь, – лох какой-то. Короче, я устал.

– Это мой отец! – отчаянно завопила Геката.

Она ринулась подбирать фото, но Артур резко ударил ее кулаком в живот. Он схватил ее за подбородок и ударил лбом. Над губами показалась жирная капля крови.

Девушку уронили на спину.

Цицерон тут же схватил ее за руки, оттягивая их на себя. Здоровяк же склонился, не позволяя подняться. Толстые пальцы сдавили горло.

– Не хочешь называть свое имя – не важно. Придумаю тебе новое. Как насчет «псинка»? Думаю, тебе идеально подходит.

Геката грозно скривила рот. Попытки вырваться ни к чему не приводили. Казалось, эти двое обладали нечеловеческой силой.

– Ребят, может, не стоит? – парень с посохом попытался вмешаться.

– Заткнись, Грюндель! – оглянулся Артур. – Я сюда шел не за тем, чтобы просто посмотреть на очередного попаданца. К тому же, ты, Грюня, получил зелье энергии. Цицерон подлечился. А я что? Мне тоже хочется кое-что взять у нашей новой знакомой.

Ладонь, сжимающая горло, ослабла и проскользила ниже. Грубо ощупав грудь, Артур схватился за робу обеими руками и резко разорвал ее, обнажая белоснежный торс.

– Послушай своего друга, идиот! – Геката попыталась укусь Артура, но тот увернулся и с размаху ударил ладонью по щеке.

– Заткнись, псинка! Просто расслабься, иначе, хуже будет. – Артур обхватил челюсть Гекаты, прижимая ее затылком к земле, – Слушай меня внимательно. Я расскажу тебе, почему я это делаю. И почему ты не должна сопротивляться. Слушаешь? Это место, этот мир... Вселенная, сотворенная Демиургами. О, они проделали колоссальную работу. Ну, так вот! Мир, в котором ты очутилась, отличается от остальных. Здесь физика выведена на новый уровень реальности. Но даже не это самое крутое. Не вертись, сучка! Смотри на меня! Самое интересное, что заставляет миллионы людей приходить сюда и оставаться, это – свобода. Абсолютная свобода! Понимаешь? Там, откуда мы пришли, люди ограничены. Моралью, религией, законами, предрассудками. А здесь ни-

кто не запрещает делать то, что велит нутро. Здесь не нужно врать ни кому-то, ни самому себе. Слышишь меня, псинка? Вот она, истинная реальность, достойная существования! И ты это поймешь со временем...

Артур еще раз ударил Гекату ладонью по щеке и поспешил расстегнуть свои брюки. Девушка простонала. Стиснув бедра, она вертелась из стороны в сторону. Все тело пылало жаром, сердце готовилось пробить ребра и выпрыгнуть наружу. Страх окрасился в неведомый оттенок. Геката никогда прежде не испытывала такого. Будто сотни шипованных червей зловредно проникали под кожу, желая залезть как можно глубже. Живот словно облили раскаленным чугуном.

– Расслабь ноги, я тебе говорю! – прикрикнул Артур и ударил Гекату кулаком по груди.

Она выгнулась, замерев и сипло глотая воздух раскрытым ртом.

Артур деловито раздвинул ее бедра и суетливо вошел.

Тьма в глазах почернела еще сильнее. По венам хлынула скверная жижа, заполняя все тело. Каждый нерв сжимало инородными импульсами. Отчаянье обрело зловещий оттенок. Геката переживала распад собственной души на множество осколков, теряя саму себя.

Склонившись над ухом, Артур прошептал:

– А еще ничто не помешает мне кончить внутрь.

Девушка не верила, что с ней происходит подобное. Разум заполнял бульон из гадких помоев, заставляющий же-

лать смерти тому, кто сейчас проявляет к ней мнимую и извращенную любовь.

Но в какой-то момент, пока Артур резкими движениями тазом выпытывал из девушки стоны, она смогла вырваться одной рукой. В моменте концентрация к ней вернулась, и она быстро выхватила кинжал с груди насильника.

Единственный шанс, но крайне опрометчивый. Тем не менее, Геката на секунду ощутила силу. Осознала, что может как-то повлиять.

Мужчина замер, грозно глядя ей в глаза.

– Только попробуй. И твоя ситуация усугубится...

– Да пошел ты! Да пошли вы все!

Девушка обрушила клинок, задев щеку парня и оставив на ней мелкую царапину. Но он и не ожидал, что жертва хотела сделать нечто иное. Клинок воткнулся прямо в обнаженную грудь Гекаты.

Сердце стихло. Кровь хлынула Артуру прямо в лицо. Геката утратила связь со своим телом, и вскоре ее взор захлестнула алая волна.

На этот раз не было абсолютной темноты. Лишь ярко-рубиновая пелена. Вскоре и она исчезла, позволяя угасающему сознанию на мгновение почувствовать, как выглядит полное отсутствие всего.

Перерожденного может окончательно убить только Перерожденный.

Глава 2. За что ты готов сражаться?

Войска Священной Людской Империи подразделяются на три вооруженные структуры. Армия – самая многочисленная, занимающаяся защитой от внешнеполитических угроз, а также расширением подвластных территорий. Внутренняя Стража – вооруженное формирование, подчиняющееся непосредственно Императору и решающее проблемы внутри государства. И последняя структура, считающаяся элитой среди военных, – Инквизиция, руководство которой отдано Гранд-Инквизитору.

Именно Инквизиция в свое время необычайно привлекла внимание молодого стражника по имени Генри Горано. Однажды, неся службу в дозоре Императорского дворца, он увидел небольшой отряд в черно-красных мантиях. Они были вооружены алебардами, вид их казался суровым и непоколебимым. Они шествовали с докладом к самому Императору, и всякий на пути пропускал их, кланяясь и пряча взгляд. Тогда Генри узнал, насколько почитаемой организацией является Инквизиция. Их полномочия превосходили и армию со всей ее мощью, и внутреннюю стражу со всей ее важностью. Носить титул инквизитора считалось не только престижным, но и весьма жутким. Черно-красные войска вели борьбу с самой зловещей угрозой, что могла нависнуть над человечеством. Потому вступить в Инквизицию очень сложно. Требовалось пройти тяжелые испытания.

Генри долго и упорно тренировался, и теперь он шел по

гигантскому коридору, встречая инквизиторов в таком количестве, в котором не видел за все свое время пребывания в Священной Людской Империи.

Кудрявый парнишка, на вид не старше двадцати. Сосредоточенный, слегка прищуренный взгляд украшали извечные мешки под глазами. Тонкие губы угрюмо косились. На черной робе красовались кожаная броня. Легкая, состоящая из твердых лоскутов, но при этом далеко не дешевая по меркам обычной стражи. На поясе из двух широких ремней висела барсетка, фляжка и боевой жезл.

Ему было страшно, но он шел, гордо задрав подбородок. Лицо не выражало никаких эмоций, но в сердце стучал стук сконцентрированных чувств. Важность сего момента поражала его, а собственная сдержанность придавала сил и уверенности. Гордость переполняла, а предвкушение сбросить легкую броню и облачиться в черно-красную мантию щекотало изнутри каждый нерв.

В такие минуты Генри понимал, ради чего живет.

Башня Орла – главный штаб Инквизиции, куда Генри пришел для последнего испытания. Гигантское каменное строение, воздвигнутое на небольшом острове, отделенном от материка. Берега омывал Эфриловый Океан. Эти воды обладали чудесным свойством блокировать любую магию, кроме божественной. Башня Орла – место, где находились около восьмидесяти процентов всех инквизиторов, включая Арабела Траске. Этот легендарный человек являлся седьмым

Гранд-Инквизитором со времен основания организации. Его боялись не только служители тьмы, но и простые люди, верно чтящие законы государства и самого Творца. Ходили слухи, что Арабел Траске способен чувствовать грехи по запаху. Мало кто хотел бы столкнуться с такой личностью. И именно к нему на встречу направлялся Генри. Каждый экзаменуемый обязан пройти последнее испытание лично перед Гранд-Инквизитором.

Двое алебардщиков безмолвно вели Горано по просторному коридору, украшенному бронзовыми подсвечниками. Высокие окна приковывали к себе внимание разноцветными мозаиками. Пахло деревом и воском.

Наконец они остановились у большой железной двери с высеченной надписью «Гранд-Инквизитор». В стороне уже стоял щуплый парень: растрепанные рыжие волосы, легкая броня, скрываемая серой накидкой с капюшоном.

– О, здорова! – помахал тот рукой и широко улыбнулся, подступая ближе. – Я уже жаждался тебя. Сколько можно?

Генри на секунду замялся, уставившись на собеседника. Оглянувшись на сопровождающих, он обнаружил, что те молча встали у двери, демонстрируя своим видом, что довели Генри, куда нужно.

– Ты... Вы? Только не говорите, что вы и есть Гранд-Инквизитор...

Генри терзали сомнения в том, что этот парень действительно глава столь могущественной и жуткой организации,

а после произнесенных слов на секунду испугался, что они могли бы и разгневать высшего руководителя. Но парнишка сразу же согнулся пополам и залился задорным смехом.

– Ты чего, прикалываешься? Ах-ха-ха! Разве я похож на Арабела Траске? Вот умора.

После этих слов парень выпрямился и протянул Генри ладонь, добавив:

– Мое имя – Виктор. Виктор Вариор. Мы с тобой вдвоем прошли все испытания, и теперь нам необходимо пройти аудиенцию у Гранд-Инквизитора, чтобы он вручил нам новый титул.

Генри облегченно выдохнул и молча пожал приятелю руку.

– Ну и приколист. А ты разве меня не помнишь? Я-то тебя помню. Видел на испытаниях. Круто ты того минотавра отделал. Респект, братек.

– Спасибо, что ли, – Генри пожал плечами, и снова огляделся. – Мы еще кого-то ждем, верно?

– Да нет. Испытания мы только вдвоем прошли. Вот, осталось на Гранд-Инквизитора посмотреть. Настоящего, ха-ха, а не в моем исполнении. Хм, а может, я вправду похож на главного инквизитора. Надо бы над этим задуматься...

– Стой, погоди! Как вдвоем? На первом испытании было же несколько тысяч человек.

В разговор вмешался один из алебардчиков:

– Отбор в Инквизицию суровый. А наш старший началь-

ник еще суровее. Не советую стоять и бездельничать возле его кабинета.

Намек был понят, и Генри подошел к железной двери. Еще никогда в жизни его дух не переполняло такое чувство важности момента. Он занес кулак, чтобы постучаться, но замер, словно окаменев.

– Эй, ты чего завис, братек? Давай, не пропадай, окей? А то вдруг я один не выведу разговора с самим Арабелом Траске, хе-хе. Да не беспокойся ты так, я уверен: Гранд-Инквизитор – хороший мужик. Пошли!

Виктор сам постучал в дверь и, не дождавшись ответа, отворил ее как можно шире.

– Прошу! – он чуть наклонился и провел рукой, приглашая Генри войти первым.

Генри кусала злоба за то, что его волнение кто-то мог заметить. Поэтому он быстро размял шею и расправил плечи. Широким шагом он пересек порог.

– Испытуемый Генри Горано, солдат Внутренней Стражи. Разрешите присутствовать? – громко произнес он, стоя смирно.

За ним следом зашел Виктор:

– Испытуемый Виктор Вариор, капитан сухопутных войск Армии, заместитель командира второго стрелцкого батальона штурмовой дивизии имени Святой Натальи.

Генри резко обернулся на Виктора. В его глазах читался немой вопрос: «Кто?»

Он удивился, что рядом с простым солдатом-стражником стоял достаточно высокопоставленный армеец.

Кабинет представлял собой просторное канцелярское помещение. Стены заставлены гигантскими шкафами, вмещающими в себе различные папки с документами, а также книги и журналы всевозможного содержания. Окно напротив двери застилало широкие черно-красные шторы, а под ними находился стол, за которыми сидел высокий мужчина, с зачесанными назад темными волосами, облаченный в рубиново-красную рубашку. Вопреки ожиданиям здесь не было ни одного трофея, хотя Генри часто представлял себе кабинет, увешанный головами убитых вампиров, оборотней и прочих чудищ.

Мужчина неспешно заполнял какую-то бумагу. Закончив строчку, он отвлекся на гостей всего на пару секунд:

– Да, закройте дверь и присаживайтесь.

В его бархатном баритоне не прозвучало ни капли надменности. Хотя выглядел Гранд-Инквизитор достаточно властно.

Генри и Виктор спокойно прошли вперед и заняли пару стульев у стены неподалеку от стола. В помещении повисла неуютная тишина. Но дискомфорт она вызвала лишь у Генри, который смирно сидел, глядя в потолок. Арабел продолжал неторопливо писать. Виктор закинул ногу на ногу и решил поковырять мизинцем в ухе.

– Очень грустно, – внезапно прервал молчание Гранд-Ин-

квизитор, не отрываясь от своего занятия, — когда с каждым годом испытания проходят все меньше желающих пополнить ряды Инквизиции.

Ему потребовалось еще несколько секунд, чтобы дописать, стукнуть именной печатью и отложить листок. После он гордо поднял подбородок и уставился на Генри изучающим взглядом.

— Была бы моя воля, я бы смягчил экзамены. Но скажите мне, почему я этого не делаю?

Генри задумался, отведя взгляд:

— Наверное, быть инквизитором — это большая ответственность, а слабые телом и духом будут только мешать нести священную службу?

И вновь на несколько секунд повисло безмолвие.

— Ну, — кивнул Арабел, — поувереннее, молодой человек. Все верно. Испытания нужны для того, чтобы убедиться, что человек справится с работой, которая стоит перед всеми нами, инквизиторами. Я провел много боев. Лично участвовал в штурмах против нечисти и еретиков. И каждое сражение запомнилось мне, знаете, чем? Не вкусом победы. Не радостью освобождения от зла. Каждое сражение для меня — это лица погибших собратьев. Не буду лукавить, армия и стража набирают людей быстро. Чем больше «мяса», тем легче победить. Стратегия Башни Орла заключается в совершенно противоположном. Мы ценим каждого борца со злом в нашем строю. Мы стоим друг за друга и оплакиваем каж-

дую жертву, принесенную во благо Священного Человечества. Каждый из инквизиторов стоит больше сотни обычных солдат. Именно поэтому нас так уважают. Но я говорю все это не просто так. Вы оба здесь лишь для того, чтобы я задал вам один простой вопрос: за что вы готовы сражаться?

Вот оно. Последнее испытание. Самое сложное, потому что Генри не был к нему готов.

– За Императора, – задумчиво произнес он.

Отстраненно сосредоточившись, Генри утратил все волнение. Он словно убедил себя: будь что будет. Даже взгляд наконец стал спокойным. Виктор же решил подхватить диалог, чтобы не создавать очередной паузы.

– За Империю.

Гранд-Инквизитор продолжал всматриваться в Генри. Молодой парень, казалось бы, не выдававший истинной боли войны, но готовый поставить свою жизнь на кон, как его учили командиры. Спустя пару секунд Гранд-Инквизитор посмотрел и на Виктора и тихо вздохнул. Поднявшись со стула, он поправил черный китель, висящий на спинке, обошел стол и свел руки за спиной, устремив взор к книжным полкам.

– На самом деле, как бы вы ни ответили, любое слово окажется правильным. Армия сражается за Империю, за земли и территории. Внутренняя Стража сражается за саму власть, коей подчинена Империя. Ну, а я вам отвечу на этот вопрос чуть иначе. Истинный инквизитор сражается за свою душу.

Арабел оглянулся на новых подчиненных и чуть ухмыльнулся. По-доброму, как будто по-отечески.

– Вы приняты.

Генри машинально вскочил со стула, а Виктор неспешно последовал его примеру.

– Отец Роман проводит вас в казармы и проведет с вами дальнейший инструктаж, выдаст имущество и поможет с расположением. Для вас пока что никаких задач не намечается, а потому просто привыкайте к новым должностям. Поздравляю вас обоих. И еще кое-что...

Слова Арабела прервал настойчивый стук в дверь. На пороге показался один из старших инквизиторов. Запыхавшийся и изливающийся потом.

– Господин Гранд-Инквизитор, на нас напали!

Не успели присутствующие среагировать на сию новость, как послышался вой сирены. Арабел сжал кулаки и закрыл глаза. Медленно вдохнув, будто пытаясь ощутить запах этого тревожного звука, он поднял лицо и томно выдохнул.

– Давно не слышал этот вой, – тихо произнес он, повернулся к новобранцам и уверенно скомандовал: – Планы менялись. К обороне!

Гранд-Инквизитор накинул на себя шинель. На поясе крепились большие ножны с мечом, гарда которого заметно выделялась утонченной гравировкой.

– Разрешите доложить обстановку, – попросил старший инквизитор.

– Разумеется, – кивнул Арабел и вальяжно обнажил свой клинок.

Отблеск меча на мгновение ослепил Генри. Он был ошарашен и будто до сих пор не понимал, что происходит. Достав из-за пазухи боевой жезл, он завороченно смотрел на оружие Гранд-Инквизитора. Виктор же изменился в лице, став более серьезным и уже похожим на офицера Армии. В его руках появились два одноручных меча.

– Нежить, господин Гранд-Инквизитор, на нас напали мертвецы. Они прут со всех сторон, штурмуя башню. По данным часовых, они вышли прямо из океана.

– Из океана? Но это же невозможно. Эфрил блокирует некромантию, – изумился Виктор.

– Нежить порождает не только черная магия, – сурово произнес Арабел. – Ладно! Не время болтать языком. Разберемся позже, а сейчас приступаем к защите нашего дома!

Все четверо выскочили в коридор. По зданию поднимался дикий шум. Крики инквизиторов постепенно заглушил лязг металла. На первых этажах уже началась лютая битва.

– Старший Инквизитор Фредерик, – Арабел обратился к мужчине, что принес весть о нападении раньше сирены, – действуйте по инструкции. Организуйте свой личный состав, чтобы усилить уязвимые проходы в башню. Вы двое – за мной!

Арабел махнул новобранцам и устремился к лестнице, ведущей на верхние этажи. Виктор уверенно последовал

за ним, озираясь. Генри же оглянулся в противоположную сторону, услышав неприятный рык, и ужаснулся. Скелеты, вооруженные алебардами, уже прорвались сюда. Их кости украшали черно-красные почти выцветшие тряпки.

«Они пришли из океана, – пронеслось в голове Генри. – Значит ли это, что они...»

– Идем, Генри! – выкрикнул Виктор, прервав его ступор.

– Да, следуй за Гранд-Инквизитором. Мы тут разберемся, – произнес Фредерик.

Сам он в компании двух инквизиторов ринулся к скелетам. Все трое наострили алебарды. Благо просторность местных коридоров позволяла орудовать столь громоздким оружием.

Генри кивнул и поспешил за Виктором. Перед тем как ступить на лестницу, он оглянулся на то, как кости разваливаются под мощными ударами алебард. Что-то заставило его ухмыльнуться.

– Куда мы идем? – окликнул Виктор Арабела. – Разве мы не должны помогать остальным на первом этаже?

– Там справятся, – отвечал Гранд-Инквизитор. – Вы должны понимать, что Башня Орла – это не просто головной штаб инквизиции. Это, в первую очередь, тюрьма.

– Что? – не понял Генри.

– Тюрьма для бессмертных. Такие есть, увы, и среди грешников.

– Вы имеете в виду Перерожденных?

– Нет. Перерожденные как раз-таки очень даже смертны. Речь идет о существах, которых нельзя убить совершенно никаким способом.

– Даже если распылить на атомы?

– Даже если дезинтегрировать в небытие. Таких в нашем мире единицы, но они колоссально могущественны. Их смерть аннулируется почти мгновенно, и они способны воскреснуть на том же самом месте, где их убили.

– Как-то это нечестно со стороны демиургов. А как их тогда побеждать? Их ведь как-то заточили в тюрьму.

Гранд-Инквизитор резко остановился и встал лицом к лицу перед Генри. Парень на секунду опешил, боясь, что его сейчас отчитают, но Арабел спокойно произнес:

– Большими жертвами. Мы всегда побеждали бессмертных лишь большими жертвами.

Генри нервно сглотнул и кивнул, намекая, что больше не будет задавать глупых вопросов. Слова Арабела наводили на жуткую мысль. Если тут заточены несколько бессмертных, представляющих большую угрозу Человечеству, а их побеждали поодиночке, что же произойдет, если они освободятся все разом?

Гранд-Инквизитор уже видел дверь, в которую необходимо войти, как вдруг прямо перед ним вдребезги разлетелось стекло. Из окна повалились несколько мертвецов, чье мясо уже давно сгнило.

– Арабе-е-ел! С-с-с-с! – зловеще шипел сохранившийся

лучше остальных, но все равно выглядевший отвратительно.

Глаза Гранд-Инквизитора округлились. Внезапно он утратил уверенность, но продлилось это недолго. Нахмурившись и зарывав, он сделал быстрый выпад, протыкая мертвеца. Прокрутив меч, он вырвал его и тут же нанес серию режущих ударов. Голова трупа упала к ногам.

– С-с-с-с-с... – продолжал шипеть мертвец.

– Заткнись! – Со слезами на глазах Арабел начал топтать каблуком череп. – Ты – не он! Заткнись! Больше не он!

Голова хрустела от каждого удара, а из окровавленных гнойных уст вырывалось последнее слово:

– Сынок...

Разобравшись с одним трупом, Арабел продолжил махать мечом, нанося удары по остальным прорвавшимся. Виктор уже помогал ему, ловко проскальзывая между врагами и нанося быстрые удары. Генри также не стоял в стороне, прикрывая спину Гранд-Инквизитора и разбивая черепушки своим жезлом.

– Как они сюда вообще залезли?! – прокричал Виктор, перерубая сухожилия очередному мертвецу.

– Это бывшие служители Башни Орла, – отвечал Арабел, уверенно кромсая трупов и подступая к заветной двери. – Мы хороним погибших в Эфриловом океане. Каким-то чудом нечисть смогла поднять их своей скверной. Это страшная магия. Эфрил не противодействует лишь божественным силам. Нечто древнее по вселенским меркам. Сила эта мо-

жет увеличивать мощь поднятых. С ними нужно быть аккуратнее. Хотя они и выглядят как нежить, но являются чем-то более страшным.

– И чем же? – Виктор оттолкнул ногой последнего мертвеца и плюнул в сторону.

– Этого я не знаю. Я впервые сталкиваюсь с такой нечистью. Но мы это выясним.

Гранд-Инквизитор смахнул гнилую кровь с клинка и уверенно подошел к двери. Тяжелый кулак приложился к дереву, усиленному кованым железом, и начал выстукивать какую-то мелодию. Проход отворился, на пороге возник взволнованный часовой.

– Простите, господин! Я слышал ваш голос, но не решился помочь...

– Ты все сделал правильно! – Арабел хлопнул мужчину по плечу и вошел в небольшую комнату.

В четырех стенах, обложенных эфриловым камнем, хранился всего лишь один маленький сундук. Арабел открыл его своим ключом и достал тускло подсвеченную сферу размером с яблоко.

– Твой пост закончен, часовой. Присоединяйся к остальным защитникам, – скомандовал Гранд-Инквизитор и обернулся к новобранцам. – А мы спускаемся вниз.

Арабел грустно вздохнул, спрятал сферу в карман и направился в обратную сторону к лестничному спуску.

– Что вы задумали? – спросил Виктор.

– Этот протокол ввели еще до моего рождения. В случае нападения на Башню Орла Инквизиция обязана любыми методами и силами защитить крепость. Но это не исключает шанса, что мы можем потерпеть поражение. Это значит, что необходимо нанести как можно более сильный ущерб захватчику.

– Простыми словами, – в разговор вмешался Генри, – это активатор бомбы, верно? Мы подорвем башню?

– Только если неприятель одержит победу. Шанс такого исхода крайне мал, но мы обязаны держать палец на спусковом крючке.

На пути встречалось все больше мертвецов, но герои легко побеждали их, оставляя за собой ошметки трупов. Атмосфера накалялась, но чем дальше шла троица, тем решительнее становились их лики. Чего не скажешь о настроении. Нежить не кончалась. Как же победить бесчисленного врага? В глубине души Генри понимал, что Гранд-Инквизитор применит сферу.

– И еще кое-что, – Арабел мельком взглянул на Генри, – если со мной что-то случится, каждый будет обязан продолжить мое дело.

– Что это значит?

– Активировать сферу, если враг победит.

Повисло зловещее молчание, которое поспешил нарушить Виктор, обратившись к Арабелу:

– Господин Гранд-Инквизитор, прошу простить меня за

этот вопрос. Тот мертвяк, которого вы забили сапогом, он... он же не оскорбление выдал из себя напоследок?

Гранд-Инквизитор промолчал. В этом и заключался ответ.

Но Виктор не унимался:

– Это ваш отец?

Генри недовольно ударил того по плечу:

– Виктор...

– Что?

– Завались.

Виктор отвернул лицо в сторону, и Генри показалось, что на его губах появилась нахальная ухмылка.

– Ладно-ладно. Молчу.

Тем временем на первом этаже разворачивалась основная баталия. Широкое пространство заполнялось огромным количеством инквизиторов, обороняющих помещение вкруговую. Столкновение стали и плоти было не единственным наполнением противостояния. Магия света сверкала золотыми отблесками, священники громко нашептывали заклинания, разя врагов святой энергией и исцеляя раненых союзников, клирики усиливали мощь инквизиторов мистической энергией.

В центре бойни стояли двое. Парень в доспехах, вооруженный палашом и щитом, и беловолосая девушка в темно-синей мантии, сжимающая тонкими пальцами крупный посох.

– А, черт! Забрало забрызгало! – недовольно проворчал парень, снимая шлем и демонстрируя молодежную прическу ровно того же цвета, что у его спутницы.

– Осторожнее! – взволнованно воскликнула девушка. – Не суйся в самое пекло. Держись меня.

Парень лучезарно улыбнулся, приобняв собеседницу, и на миг прижался к ее виску лбом.

– Да не беспокойся. Действуем по старой тактике. Стоим в стороне и добиваем чудовищ. Главное – не выходи из-за моей спины.

Основание всего здания укреплялось четырьмя дополнительными башнями. Одна из них являла собой холл. Если смотреть на него изнутри первого этажа, ворота будут слева. Это позволяло защитникам оборонять вход так, чтобы нападающим было сложнее прорываться, с одноручными оружием и щитами (которые, в свою очередь, обычно держат в левой руке). Более того, входная башня оснащена позициями для стрелков и выступом для дополнительной защиты против тарана.

Вот только это могло помочь против стандартных воинов, но уж точно не сейчас.

Разумеется, нападавшая нежить прибегла к штурму главных ворот. И обороняющиеся инквизиторы не оставались в долгу.

Звук ударов тарана раздавался громко, глухо и тяжело. Мертвецы не сдавались, даже когда защитники стали исполь-

зовать кипящее масло, выливая его с позиций. Но даже это не помогло. Спустя множество атак ворота не выдержали. Навалившихся инквизиторов, удерживающих вход, откинуло мощной волной. В холл залетела гигантская конструкция в форме каменного тарана, оббитого стальными пластинами и шипами. Удерживала эту конструкцию омерзительная биомасса, шипящая от плавящего масла и истекающая гноем из сотен колотых ран, нанесенных лучниками и арбалетчиками.

Нечто, слитое из множества трупов воедино, рухнуло, придавливая упавших инквизиторов, а в образовавшийся проход вскоре хлынули волны вооруженных мертвецов.

— Ну, вот теперь началось, — тихо проговорил парень своей спутнице.

Девушка в ответ кивнула и стала что-то нашептывать. Кончик посоха, исполненный в виде изумруда, начал светиться оранжевой дымкой.

Инквизиторы отошли назад, уступив нападающим холл, но при этом они заняли более удобную позицию, чтобы атаковать прущую нечисть алебардами.

Сквозь какофонию бойни и брани слышались тяжелые шаги.

Через пробитые ворота прошел скелет ростом метра два с половиной. На нем чернели широкие доспехи, украшенные тонкой золотистой гравировкой абстрактного вида. В руке гигант держал булаву-моргенштерн. Шлема не было, а потому рассмотреть череп не составляло труда. Клыкастые зубы,

лоб как будто хмурился, а в пустых глазницах мерцало лазурное свечение.

– Ха! Ха! Бейте! Убивайте, ребяташки! Рвите их на куски! – задорно кричал призрачным голосом скелет, держируя моргенштерном. – О, да! Славная битва! Аграш не зря послал сюда Гората! Горат обожает ультранасилие!

Не удержавшись, гигант сделал пару стремительных шагов и одним широким взмахом поразил сразу шестерых инквизиторов, игнорируя их попытки контратаковать.

Вскоре за Горатом зашел тощий скелет в выцветшем тряпье. Он двигался медленно и устало. Остановившись подле бронированного товарища, он замер.

– Ну, чего встал, Славик? Давай, показывай, куда тут идти? А то я сейчас увлекусь и вообще забуду, зачем мы здесь, ха-ха! Убивать этих жалких инквизиторов так весело!

Произнеся это, Горат в очередной раз взмахнул оружием, откинув инквизитора, а следующим движением обрушил шипастую булаву прямо на голову второму.

Тощий скелет прошел вперед. Любые попытки нанести ему урон оказывались тщетны. Сам скелет даже не смотрел на инквизиторов, но окружающая нежить резво бросалась под удар, защищая его от любых атак.

– Сначала я кое-что верну. Кое-что свое... – сипло проговорил он, оглядывая залитое кровью помещение пустыми глазницами.

– Ути-батюшки, какой Славик самостоятельный! – по-

дразнивал Горат. Переходя на более грозный тон, он добавил: – Только не забывайся, что ты обычный раб. Действуй быстрее!

В помещение через разбитое окно ворвалась новая фигура. В отличие от штурмующих, она выглядела вполне живой. Крупная и мускулистая женщина. Одевание весьма откровенное: бронированный лиф, наполовину скрывающий массивную грудь, набедренная повязка с металлическим поясом, сапоги, усиленные стальными пластинами, и уплотненные наручни. пышная алая прическа украшена фиолетовым локонном, а смазливое лицо усыпано веснушками. По всему телу растекались синие татуировки. В руках женщина держала здоровенную секиру.

– А ну, суки, кто тут самый сильный? – прорычала варварша, разрубая напополам мертвецов, попавших под руку.

Парочка альбиносов тут же узнали свою знакомую и ринулись к ней.

– Дара! – с улыбкой воскликнул парень. – Что ты тут делаешь?

– Тебя же не приняли в Инквизицию, – добавила девушка.

– Да пошли они! – усмехнулась Дара. – Испытания у них дебильные. Вовсе не на силу. Ну, да и черт с ним. Я все равно хожу где захочу! А вы что тут делаете, Эдвард, Матильда?

– Мы – инквизиторы, – в один голос ответила парочка.

Дара демонстративно захохотала.

– Вы-то? Не смешите меня. Я же вас знаю.

– Вообще-то нас приняли еще три года назад, – гордо произнесла девушка, недовольно сжимая посох.

– Ладно. Не важно! – Дара откинула своим оружием настойчивого мертвеца, и огляделась. – Вон те двое! Они как будто главные, да?

– Тот великан явно твой, – ухмыльнулся Эдвард. – А того щуплого он назвал рабом, да и вообще командует им, как барин. Но что-то мне подсказывает, что он не так прост. Мы с сестрой возьмем его на себя.

– Забились, чушки!

– Эй, сама ты чушка.

– Попиликай мне еще тут!

Дара обхватила рукоять секиры покрепче и стремительным рывком метнулась к Горату.

– Ой, – наиграно изумился огромный мертвый латник, увидев варваршу, – какая бабища! Будешь моей женой? Естественно, после того, как я тебя прикончу.

– Размечтался! Какая тебе жена? У тебя даже члена нет!

– А ну не выражаться! Тут кругом детишки! – Горат задорно стиснул клыки, готовясь к нападению Дары. – А чем тебя трахнуть, я уж найду.

Горат и Дара резко скрестили свои оружия в клинче. Казалось, сам воздух содрогнулся от этого столкновения. Женщина, недолго думая, отпустила рукоять одной рукой, сжала ладонь в кулак и с размаху ударила в корпус латной пластины. Горат пошатнулся и даже сделал пару шагов назад.

– Ух ты! А ты сильная. Регулярно в качалку ходишь?

– Чего не скажешь о тебе, хиляк.

Парочка снова сцепилась в клинче.

Эдвард уворачивался от оружия, коим его хотели задеть мертвецы, и проводил успешную контратаку. Внимание его почти полностью было сосредоточено на щуплом скелете, которого Горат называл Славиком.

– К нему не подступиться. Мертвяки постоянно кидаются на тех, кто хочет атаковать его. Матильда, попробуй шанда-рахнуть по нему своим колдунством.

– Ага!

Девушка вытянула посох и начертила узор, взмахнула своим оружием и направила его в сторону цели. Яркое оранжевое свечение хлынуло в Славика. Двое «телоохранителей» тут как тут выскочили на защиту, но свечение прошло их насквозь, продолжив движение. Столкнувшись с заданной целью, оно распалось на искры, а скелет свалился с ног.

– Какая дерзость, – просипел он, неспешно поднимаясь и хватая алебарду одного из павших инквизиторов.

Прошептав что-то злое, Славик указал в сторону Матильды. Девушка тут же ахнула. Ее запястья обвились золотистые кандалы, сотканые из энергии света. Почти невидимые, но осязаемые цепи потянули руки девушки вниз, и она согнулась.

– Сестра! – прокричал Эдвард, увидев, как противник молниеносно переместился к ней.

Парень сделал рывок и попытался закрыть девушку щитом в тот момент, когда неприятель занес над ее головой алебарду. Это ничуть не смутило скелета. Тот лишь цинично обрушил тяжелую сталь на Эдварда.

– А, черт! – щит треснул, Эдвард свалился перед сестрой, выронив меч, и схватился за отбитую руку.

– Ничтожества, – прокомментировал Славик и снова занес алебарду над головой.

И только он попытался обрушить удар на Матильду, рядом очутился Гранд-Инквизитор. Своим мечом он отбил алебарду, и та вырвалась из рук нежити, улетев в сторону.

– Не по силе вы себе соперника выбрали, – с ухмылкой произнес Виктор, помогая Эдварду подняться.

– Надо освободить сестру! – отчаянно произнес он, рассматривая энергетические оковы.

Славик, подобно статуе, замер перед Арабелом. Сам Гранд-Инквизитор грозно пялился в его черные глазницы. Этот мертвец явно обладал огромной силой. И он точно когда-то был инквизитором.

– Ты не достоин носить этот меч! – Внезапно скелет протянул руку, и Гранд-Инквизитор ощутил поднявшийся ветер.

Мистическая сила вырвала меч из ладони. Глаза Арабела округлились.

– Это невозможно! Кто ты такой? – воскликнул он, всматриваясь в противника.

Ответом было не слово, а действие.

Мертвец зашипел и опустил голову, открыв челюсть. Место битвы окутала жуткая атмосфера. Раненые инквизиторы стали ощущать непередаваемый зуд. Под истошные крики они падали и корчились. А злодей плавно вытягивал из них остатки жизни. Энергия покидала тела бойцов, обращаясь в синеватый туман. Дымка стелилась по полу и стремительно тянулась к Славику, который жадно втягивал жизненную силу в себя.

Арабел наблюдал за этим с ужасом. Он понимал, что необходимо нанести удар прямо сейчас, пока мертвец уязвим, но любопытство одержало победу.

Втянув весь дым, мертвец выгнулся и облегченно выдохнул вверх. Его тело обросло мясом и кожей, а тряпье обернулось черно-красной шинелью. Череп обтянулся лицом седого старика.

– Владислав Нормад! – с уважением проговорил Арабел.
– Первый Гранд-Инквизитор, основатель Башни Орла, Истребитель Скверны!

– Он самый. Во плоти, – голос мертвеца перестал сипеть, но до сих пор пугал зловещим тоном.

– Атакуем вместе! – Генри уже готов был сорваться с места, но Арабел преградил ему путь рукой.

– Подожди.

Снова обернувшись к Владиславу, Арабел попытался договориться:

– Истребитель Скверны, прими мое почтение и выслушай! Ты не в ту сторону воюешь. Ты был опорой и вдохновением для всей Священной Инквизиции. Ты своими руками построил это место и оберегал его, как родное дитя! Ты – надежда. Оглянись и опомнись! Тебя воскресили твои же враги.

Владислав послушно огляделся, после чего криво ухмыльнулся.

– Вы не понимаете. Вы не способны осознать. Даже простая нежить, восставшая из могилы, переступившая через границу бытия, не в силах ощутить ту истину вселенной, которую познал я... Я даже не буду пытаться объяснить вам.

Владислав резко подступил к собеседнику и в мгновение ока вонзил меч ему в грудь. Арабел широко открыл рот, глухо вдыхая воздух. Старик с ухмылкой смотрел на пораженного приемника и не спешил вынимать клинок. Арабел поднял трясущуюся руку и положил ее на плечо Владислава.

– Ты еще можешь стоять? – гнусаво усмехнулся мертвец.

– Ладно, – едва не задыхаясь, проговорил Арабел, – значит, настало время новым легендам занять твой пьедестал.

Схватив Владислава за ворот шинели, Гранд-Инквизитор чуть отклонился и со всей силы ударил его лбом в челюсть. Снизав себя с меча, он провел мощный хук в лицо неприятеля, оглушив его.

Генри тут же подрос, схватился одной рукой за рукоять меча, а второй обрушил четкий удар клинком по запястью,

обезоружив Владислава.

Ощутив энергетику оружия Гранд-Инквизитора, Генри на секунду задумался, как здорово было бы погромсать им врагов. Но, увидев, что Арабел еще в строю, он тут же воткнул меч в пол перед ним.

– Теперь-то атакуем вместе? – с ухмылкой произнес он.

– С радостью, – выдохнул Гранд-Инквизитор, держась за свежую рану на груди.

Тем временем Горат защищался моргенштерном от хлестких ударов яростной варварши. В перерывах между атаками он пытался задеть ее, но Дара ловко уклонялась, демонстрируя гибкость накаченного тела. На ее лице красовалась злобная улыбка. Но в какой-то момент она промахнулась, ее центр тяжести сместился, и она на секунду потеряла равновесие. Этого хватило Горату, чтобы нанести размашистый удар прямо по ее голове.

Женщина покачнулась и упала. Схватившись за голову, она даже прослезилась.

– Черепушка раскололась? – с испугом прошептала она, нащупав трещину.

– А вот нечего было сквернословить! – Горат не стал давать фору сопернице и пнул ее в грудь.

Дара распласталась на полу, осознавая, что проиграла.

– Горат каждой смерти очень рад, – зловеще произнес скелет и со всей силы топнул бронированным сапогом по лицу Дары.

С первого удара она не умерла. Ее голова разошлась по швам, но она еще могла видеть и чувствовать. Горат не стал долго издеваться над поверженным врагом и нанес еще несколько ударов, после которых голова окончательно превратилась в мокрую лужицу, приправленную кусочками черепа и мозгов.

– Это было непросто. – Горат откинул глаз, прилипший к подошве, и оглянулся в сторону Владислава и инквизиторов, которые его окружили.

– Эй! Не трожьте экскурсовода! – завопил он и ринулся в атаку, замахиваясь моргенштерном.

Впрочем, было уже поздно. Израненный Владислав упал на колени перед Арабелом. Он взглянул в его лицо и проговорил напоследок:

– Если ты окажешься на моем месте, то поймешь, как был неправ. Культ Оскураса – это будущее...

– Заткнись, – тяжело дыша, произнес Гранд-Инквизитор и хлестким ударом отрубил старику половину головы.

Эдвард заметил приближающегося Гората и поспешил защитить Арабела, выставив перед собой щит. Гербовая гравировка в виде совы засветилась, металл покрыла золотистая энергия света, усиливающая защитные свойства. Но это не спасло от мощного удара Гората. Эдвард принял удар на себя и кубарем покатился в сторону. Щит полностью развалился на две части.

– Брат! – завопила Матильда, только что освободившаяся

от мистических оков.

Девушка побежала к Эдварду, но Горат успел подпрыгнуть к ней и пнуть ее коленом в плечо. Та с громким всхлипом отлетела в сторону.

– Вы чего наделали?! – возмутился Горат, замахиваясь оружием, отпугивая приблизившегося к нему Виктора. – Он же еще не показал мне, куда идти. Вот наглецы!

Генри попытался обойти Гората со спины. Подобрал алебарду покрупнее, он засадил ее в поясницу врага. Горат лишь пошатнулся и недовольно оглянулся.

– Ай, ты чего щиплешься? – произнес он и резко ткнул рукоятью моргенштерна Генри в живот.

Парень согнулся пополам, выплюнув вздох боли. Пошатываясь и пятясь, он старался удержать равновесие и устоять на ногах, но из боя он оказался на какое-то время выведен.

Могучий скелет оглядел оставшихся противников, представлявших хоть какую-то угрозу: Виктор с двумя клинками и Гранд-Инквизитор, задыхающийся от раны в груди. Оба были настроены серьезно.

Горат демонстративно вздохнул.

– Все пошло не по плану. С вами тут весело, но я вынужден идти на крайние меры, – проговорил он и стукнул булавой перед собой.

Он поднял лицо, широко раскрыв пасть. Из мертвых уст раздался душераздирающий вопль, заполнивший первый этаж и расплескавшийся отвратительным эхом на последую-

щие. Из недр костяной груди стали вырываться черные сгустки магического дыма. Туман жадно заполнял все пространство. Язычки inferнальной субстанции быстро искали прибежище в мертвой плоти и тут же впивались в нее. Вскоре отрубленные конечности, как бывших мертвецов, так и пораженных инквизиторов, стали раскачиваться и сливаться в единую субстанцию.

Своей некромантией Горат поднимал извращенные скульптуры из мертвечины, слившейся в отвратительные и пугающие формы. Нечто похожее недавно протаранило ворота башни.

К голове Владислава, а точнее, к ее отрубленной половине, подкрались три ладони и заползли под нее, сращиваясь в нечто паукообразное. Блеклые глаза первого Гранд-Инквизитора вновь засияли тусклым светом. Существо подползло к Горату, и тот перестал извергать черную дымку.

– Пойдем, мой маленький! – Горат бережно подобрал голову и усадил себе на наплечник. – Сделай уже то, ради чего ты здесь.

– Ты никуда не идешь, – хрипло пригрозил Арабел, выставляя меч.

– Да неужели? – Горат звонко щелкнул пальцами в латной перчатке.

Масса из мертвых конечностей гигантской змеей окружила Арабела и Виктора, отрезая их от Гората. Десятки корчащихся лиц глядели на выживших, как на лакомый кусочек.

чек. Оставалось лишь сражаться с новой опасностью. А Горат спокойно зашагал в сторону секретного спуска в катакомбы.

Генри кое-как поднялся на ноги. Измазанный в грязи и крови, он огляделся. Победа была так близко. Казалось, Гранд-Инквизитор зря сделал ставку на ликвидацию башни, но все обернулось весьма плачевным положением дел.

Арабел это тоже понимал. Взмахом меча он разрубил гигантского червя из мертвых собратьев. В образовавшемся проходе виднелась фигура Гората. По указке Владислава он решал головоломку в центре зала. Комбинация нажатых сегментов запустила древний механизм, и пол развернулся. Гигантская винтовая лестница вела в темницу. Горат не стал медлить.

Гранд-Инквизитор стиснул зубы. Свободной рукой он нащупал в кармане сферу. Секундное замешательство сменилось решительностью, но только он собрался сделать шаг вперед, как сквозь его грудь прошел клинок. Еще одна рана. На этот раз поражено второе легкое. Арабел изрыгнул кровь. Прежде, чем потерять сознание, он обернулся: за его спиной стоял Виктор с коварной ухмылкой.

– Господин Гранд-Инквизитор! – с ужасом прокричали Матильда и Эдвард.

– Арабел, – прошептал Генри, не веря, что его новый друг оказался предателем.

Виктор пинком скинул Арабела со своего меча и оглядел

выживших инквизиторов. Выражение его лица изменилось. Он словно сорвал с себя маску дружелюбного союзника.

– Штурмовая дивизия имени Святой Натальи, – произносит он. – Разве вы не в курсе, что все солдаты, включая командиров, были вырезаны грязными эльфами много лет назад? Стыдно не знать. Ах, какая славная подсказка. Но вы все просрали.

– Мертвец? – Генри ошарашено глядел на Виктора.

Все его шуточки, глупые вопросы и кривляния оказались отвлекающим маневром, чтобы подобраться слишком близко и ударить в спину. В тот самый момент, когда Гранд-Инквизитор не ожидает.

Из ослабших пальцев Арабела вырвалась сфера. Шар покатился в сторону, и Генри кувыркком метнулся к ней.

– Ну уж нет, ты никуда не пойдешь! – Виктор сместился к Генри, занося меч над его головой. – Все кончено! Вы проиграли!

– Почему же ты помогал нам, – всхлипнул Генри, – если с самого начала был врагом?

Виктор замер, зловеще улыбаясь.

– Как же без шпионажа? Я должен был контролировать ситуацию, а конкретно – Гранд-Инквизитора. И я более чем уверен, что он спустил бы детонацию, если бы я не помог вам, жалким отбросам, продержаться в бою. Надежда так ослепляет, братек.

Генри снова отхаркнул немного крови, собираясь с сила-

ми, все еще находясь под ударом Виктора.

– Круто, наверное, так пафосно стоять и трепаться, думая, что победил.

Ухмылка мертвеца чуть ослабла. Он нахмурился и уже готовился ударить, как вдруг ему в спину прилетел шар золотистой энергии. Один из священников вступил в сражение, а Генри лишь отвлекал болтовней для этого маневра.

– Я задержу его! Новобранец, делай что должен! – крикнул священник.

Генри осмотрел сферу в своей руке. Эдвард и Матильда присоединились к священнику.

– Я вас не подведу, – кивнул Генри и ринулся к разлому в полу.

Горат уже успел спуститься по винтовой лестнице и оказаться в катакомбах. Жуткое место, в котором едва ли можно разглядеть огромные камеры, огороженные толстыми прутьями. За ними в тени скрывались опаснейшие существа этого мира.

Горат подошел к самой крупной камере и вгляделся в темноту.

– О, Великий Валес! Я знал, что после пиратского кризиса ты загремишь сюда, – усмехнулся скелет.

Человекоподобная туша, раза в два, а то и в три превышающая по своим габаритам Гората, сидела у стены. Титанические цепи сковывали демона с рогами, кожаными крыльями и копытами. Уставший голос древнего зла разлился по ката-

комбам.

– Я знаю, кто ты. Приспешник культа Оскураса. Пришел, чтобы завербовать меня?

– Как некультурно. Какой я тебе приспешник? Я самый настоящий член-основатель, – возмутился Горат.

– Не важно. Я отказываюсь.

– Что? В смысле?

– Я никогда не буду иметь дела с такими омерзительными существами, как вы. Грязь под ногами, не более. Лучше я до конца своих дней останусь здесь.

– То есть вечно?

– Нет ничего вечного. Даже демиурги имеют свой конец. А теперь проваливай! Мне даже разговаривать с тобой тошно.

Горат усмехнулся.

– Жаль, конечно. Но ты немного ошибся. Я здесь не только за тобой. Впрочем, ты даже не сама цель. И, тем не менее...

Горат со всей силы ударил по замку, сдерживающему прутья. Дверь отворилась с характерным скрипом. Валес лишь хмыкнул. Не клетка сдерживала его, а цепи.

Но Горат пошел вдоль остальных камер. Извращенные химеры, уродливые великаны, монстры, описать которых сложно человеческим языком. И вот Горат остановился у самой маленькой камеры. Замок слетел так же, как и предыдущий. Внутри в цепях покоился мертвец, похожий на истлевшую

мумию с длинной седой бородой.

– Ну, здорова, дохлик, давно не виделись, – усмехнулся Горат и достал странный каменный крест.

Цепи являли собой очень качественный сплав стали и эфирила. Разорвать их невозможно ни физически, ни магически, но прикосновение креста в мгновение ока плавило цепи.

– Долго ты, – хрипло проворчала мумия, падая на пол и с трудом поднимаясь.

– Ага, меня только за смертью посылать, – радостно произнес Горат, помогая узнику подняться. – А я и не против.

Валес услышал тихий стук в своей камере. Горат бросил ему крест, который плавил кандалы. Теперь этот артефакт лежал перед ним.

Генри бежал по лестнице. Она казалась бесконечной. И как только Горат так быстро миновал ее? По пути на ступенях Генри заметил разможенную гнилую голову: Владислав, судя по размазанным конечностям, похожим на ладони. Этот мертвец оказался больше не нужен, и Горат его просто выкинул и растоптал. Парень нахмурился.

– Черт, как пользоваться этой штукой? – Генри пытался понять, как активировать сферу, но не успел толком разобраться.

На спуске он встретил Гората и бывшего заключенного.

– Ты серьезно, парень? – воскликнул скелет-латник. – Тебе жизнь не мила? Так мне, кстати, тоже.

Горат перестал придерживать спутника, и тот едва не по-

катился по лестнице. Направив моргенштерн в сторону Генри, скелет стиснул зубы в задорном оскале.

– Да, серьезно, – ответил Генри. – То, что я служил обычным солдатом в Страже, не означает, что я не готовился к чему-то большему.

Генри взмахнул жезлом, и оружие тотчас обратилось в длинное копье.

– Интересный артефакт, – проговорил Горат, – но он тебе не поможет!

Скелет схватил моргенштерн обеими руками и напал на Генри. Позиция у парня оказалась более удачной. Увернувшись от гигантского шипованного шара, Генри ловко прокрутил в руках копье и начал наносить быстрые серии колющих атак. Горат был снизу, и ему пришлось защищать обнаженную черепушку. И все же Генри удалось проткнуть его доспех насквозь.

– Ты мне похоронный костюмчик испортил! – завопил Горат и поднял свободную руку, готовясь переломить копье, застрявшее в броне.

Генри быстро вернул оружие в состояние жезла, взмахнул им и снова обратил в копье.

– Это оружие раньше принадлежало одному из маршалов Имперской Армии. Я им не только костюмчик испорчу, но и твою белесую рожу.

Генри попытался нанести прицельный удар в лоб скелета, но Горат легко увернулся. Взмах моргенштерном – и Генри

сместился в сторону, чуть не потеряв равновесие, но скелет тут же ударил наплечником. Генри свалился. Мертвец схватил его за плечо и, как котенка, отправил вниз по лестнице.

– Это уже не смешно, – фыркнул Горат. – Пойдем скорее! Мы тут сильно задержались.

Бронированный взял сообщника подмышку и побежал наверх. Генри в самом низу лестницы корчился от боли.

– Надо же было так опростоволоситься...

Парень не мог подняться, все тело гудело. Но странный шипящий звук привлек его внимание. Генри ужаснулся. Гигантский демон в открытой камере медленно плавил свои цепи. Адреналин ударил по нервам, и Генри вскочил, подхватив упавшее копьё. Со всех ног он поспешил вверх вслед за Горатом.

А наверху продолжалось сражение с Виктором. Эдвард атаковал его палашом, защищая Матильду. Она стреляла из посоха огненными шарами, стоя позади брата. По другую сторону священник высвобождал энергию молитв, ослабляя мертвеца.

– Отправляйся туда, где тебе самое место! – прокричал Эдвард, последним ударом заставив врага упасть.

– Пожалуй, вы правы... Пора мне на покой. – Виктор устало выронил один из мечей, оглянулся на тело Арабела и выдохнул окровавленную улыбку. – Но свою работу я сделал.

– Вот же мразь! – оскалился Эдвард, замахиваясь половиной щита, чтобы разбить лицо Виктору.

Но тут подоспел Горат. Размашистым ударом моргенштерна он откинул Эдварда и осмотрел Виктора.

– Еще один сдулся.

На секунду Горат отвлекся, и ему в череп прилетел луч энергии от священника. Скелет потряс головой и нацелился на неприятеля, но ему в спину зарядила мощная волна огня. Бронированный даже пошатнулся. Обернувшись, он увидел Матильду, которая уже готовила новое заклинание. Эдвард поднялся и напрыгнул на Гората, пронзив его между пластин. Задев кости клинком, он провернул его, пытаясь нанести больше урона. Священник вытянул руку, высвобождая серию молитвенных чар, разрушительных для обычной нежити и весьма неприятных для Гората.

Закончила общую серию атак Матильда, выстрелив синей стрелой из плазмы прямо в челюсть мертвеца.

Горат пошатнулся и согнулся, уперся коленом в пол. Девушка гордо подошла к нему, концентрируя в ладони энергию чистого света для последнего удара по могучему противнику.

– Это тебе за Дару, – она уже хотела врезать по черепу, как Горат ее прервал.

– Да ладно? Не может быть! – он взглянул в сторону проема в темницу, увидев, как оттуда поднимается Генри, – Вам удалось уронить меня на колено. Столько стараний. И ради чего?.. Убожество!

С виду ослабший скелет внезапно поднялся и быстрым

взмахом снизу вверх нанес удар по телу Матильды. Волшебница отлетела на несколько метров и ударилась головой о стену.

– Нет!!! – заорал Эдвард, метнувшись к ней.

Горат резко выставил рукоять моргенштерна, за которую Эдвард запнулся, а после чего прокатился кубарем. Выпрямившись, Горат посмотрел на священника и властным жестом заставил субстанцию из мертвой плоти волной метнуться к нему. Священник оказался прижат к стене.

– Как и ожидалось, – Горат схватил Гранд-Инквизитора за воротник и подошел к мумии, которая все это время тихонько вытягивала жизненную силу из оставшихся инквизиторов, не способных продолжать сражение.

– Я порву тебя! – Генри выставил копьё перед собой.

– Тише, мальчишка, – Горат выглядел так, словно не собирался драться с ним. – Ты не слышишь это?

Генри прислушался, не спуская глаз с мертвецов, но, почувствовав тяжелые шаги откуда-то снизу, вспомнил того демона из тюрьмы.

– Это Валес. Один из лордов Ада. Ты должен знать, каким трудом его сюда заточили. Так что не будь дураком. Дай нам уйти. Иначе это существо вырвется на свободу.

Мумия, восстановившая силы, стала готовить какое-то заклинание, обволакивающее его, Гората, а также труп Арабелла синей дымкой.

Генри был в замешательстве. Перед ним стоял выбор: по-

пытаться помешать мертвецам без особой надежды на победу или бросить их, сконцентрировав силы на том, что было обещано Гранд-Инквизитору.

Парень зажмурился. Сделать выбор оказалось сложнее, чем могло показаться. Даже голова заболела. Но не столько от раздумий, сколько от повышающейся температуры. Демон приближался, и вместе с ним из темноты вырывались огненные всплески. Атмосфера стала поистине inferнальной.

Генри стиснул зубы, обратил копье в жезл и вытащил сферу.

– Как ее использовать?! – с неописуемым гневом Генри завопил в сторону прижатого к стене священника.

– Сожми ее всеми пятью пальцами, будто стараешься сломать. Ты почувствуешь, – ответил он.

Генри сделал то, что сказал священник, но сфера не поддавалась. Лишь засветилась ярче. А из проема уже послышалось дыхание демона. Стоит ли говорить, насколько громкими были шаги?

Генри закричал и сжал со всей силы, ощущая, как болят фаланги.

Горат с бывшим узником исчезли, а вместе с ними пропало и тело Арабела Траске. Нежить, включая израненного Виктора, в тот же миг обмякла, умерев окончательно.

Эдвард поднялся на колени и подполз к сестре. Его не беспокоило, что происходило вокруг. Он искренне тревожился

за Матильду.

– Ну, говорил же! Не выходи из-за моей спины! Не выходи. А ты что? Зачем ты к нему подошла?

Девушка лишь слабо улыбнулась. Она сжала тонкими пальцами его ладонь и закашляла, роняя изо рта алые капли.

– Прости, Матильда. Это я виноват. Я не смог защитить как следовало.

– Это что, слезы? Правда? – Матильда провела ослабшей рукой по щеке Эдварда. – Да не убивайся ты так. Сам прекрасно знаешь, что все это просто спектакль.

Эдвард грустно улыбнулся, прижимаясь к сестре.

– А в роль я вжился неплохо, верно?

Девушка лишь кивнула и закрыла глаза. Парень прикоснулся ртом к ее губам. Ощущая, как она растворяется в небытие, он целовал до последнего, пока влажный язык не коснулся холодного воздуха.

Эдвард еще немного постоял на коленях, ударил кулаком в стену и свалился на то место, где только что рассыпалась на песчинки его любовь.

Генри тяжело дышал, пошатываясь и постанывая от боли. Упав на одно колено, он выронил жезл и схватился за запястье, будто помогая себе сдавливать сферу.

И вот, наконец, послышалась чередой взрывов.

Башня Орла уже никогда не будет прежней.

Глава 3. Мэри

Из влог-дневника Пита Найса

7 сентября 2126 года.

День начался тошнотворно. Я ощущаю, будто в мои виски что-то врезается. Зубы стиснулись еще до того, как я проснулся. Открываю глаза. Выдох. Сосед опять сверлит. Надоело. Я поднимаюсь с постели с мыслью, как здорово было бы всадить этот перфоратор в его тупую голову. Не осуждайте меня. Будь вы на моем месте, поняли бы, насколько это справедливо.

Ладно, плевать. Мне нужен горячий черный кофе без сахара, чтобы окончательно добить нервы и проснуться.

Я отправляюсь в путь, даже не умывшись. Последнее время меня ведет лишь сердце. Разбитый на сотни осколков кусок мяса, но все еще живой. Я шагаю по влажному тротуару, щурясь от неоновых вывесок, бьющих в глаза ядовитой радугой. Расстегнутый плащ нервно бьется от порывов ветра. Фетровая шляпа хочет ускользнуть и спрятаться где-то в переулках.

Ну, здравствуй, Юниос! Город развития, прогресса и новых возможностей. Когда-то ты подарил мне сотни приятных часов. Я блуждал по твоим аллеям. Изучал хитросплетения улиц. Проникал в корпорации и гонялся за преступниками. Я жил полной жизнью. Но все оказалось не важно. Я понял это, когда встретил ее...

Мэри.

Именно ты, Юниос, дал мне ее. Никогда в жизни я не был

так счастлив. Угрюмый частный детектив, фанатеющий от разгадок убийств, государственных интриг и опасных преследований, растаял перед очарованием одной голубоглазой красотки. Как-то раз она сказала, что у меня милая улыбка. Кто мог подумать, что когда-нибудь я окажусь смущен? Я старался прятать свои губы за широким воротником, но все равно продолжал улыбаться. И она замечала это. Именно она разглядела в грубом звере истинную душу, человеческую.

Я вспоминаю каждую секунду, проведенную с Мэри. Приближаясь к ней, я ощущаю, как мое сердце замирает и вскоре начинает биться сильнее. Я склоняюсь, опуская лицо, протягиваю цветы и неспешно отпускаю их.

Синие розы на холодной могиле.

Ты отнял ее, Юниос. Цинично и бесповоротно.

Возможно, я не должен обвинять город. Это глупо. Без тебя она не появилась бы в моей жизни. Я бы состарился, так и не испытав истинную любовь. Но это жестоко, Юниос. А еще я знаю, что в глубине души мне хочется обвинить всех вокруг, кроме себя. Разум забился в угол и прячется от правды. Только я виноват в ее гибели.

Только я.

Я прихожу сюда не первый раз. Это место тянет меня. Чуть потрескавшийся дисплей в надгробии показывает ее лицо. Она счастлива, как в первый день нашей встречи. И во второй. И в третий. И, черт возьми, до самого конца. Она смотрит на меня с наивной улыбкой, но мудрыми глазами.

Словно живая и хочет сказать мне подбадривающие слова.
А я, как дурак, жду этих слов.

Отвратительно.

Молча стоять и скорбеть. Вдвоем, но в одиночестве.

Юниос, ты слишком жесток, чтобы вернуть ее мне. Я всегда знал, что нужно быть циничным, чтобы выживать в таком городе. Я проиграл самому себе.

Хочется заплакать. Даже когда начинается дождь, скрывающий как истинную вонь города, так и внутреннюю печаль одного разбитого горем сыщика.

Мои раздумья прерывает грубый бас.

– Мистер Найс, мы знали, где вас искать.

Два амбала в официальных костюмах, с галстуками и черными очками, как полагается. Я осматриваю их с ног до головы. Непокколебимые манекены, обладающие способностью всегда держать морду кирпичом. Мне бы так.

– Что вам нужно? – дерзко спрашиваю я, надеясь, что передо мной враги и я смогу выгулять свой старенький револьвер, вдоволь нашпиговав засранцев свинцом.

– Мы от Президента. Он желает, чтобы вы работали на него.

Я обреченно шмыгаю носом. Не фортануло.

– И что у него за дело к такому, как я?

– Эта информация секретна. Он даст вам задание лишь после того, как вы согласитесь на контракт.

Я наигранно усмехаюсь, поправляя воротник.

– Какой идиот согласится на работу, о которой ничего не знает?

Эти двое переглядываются, пожимают плечами, и один из них говорит простые слова:

– Да любой человек, в принципе.

Он чертовски прав.

И, несмотря на то, что мне бы не хотелось сотрудничать с государственными деятелями, я соглашаюсь. Уровень Президента явно даст мне то, чего сейчас так жаждет запыленный скорбящий дух в глубине моих костей.

– Я в деле.

Еще раз роняю взгляд на могилу Мэри. Ее лицо – единственное в этом городе, что источает ясный свет. Мертвая женщина дарит больше надежды, чем толпы живых незнакомцев. Для меня как будто все наоборот в этом мире. Изгой, трикстер, безумец. Идиот, готовый драться против всех.

– Президент примет вас после рассвета, – кивнул один из амбалов, и оба развернулись, оставив меня.

Спасибо, что дали мне возможность самостоятельно уйти из кладбища и провести побольше времени с Мэри. Я правда ценю это.

Спустя пару часов я уже сижу на лавке в городском лифте. Кто не знаком с Юниосом, тот должен узнать, что этот город-государство делится на два больших района. Давн-сити и Аптаун. Низ и верх. Земля и небо. Грязь и воздух.

Как можно догадаться, мой город вертикальный. Чтобы

покинуть район, нужно двигаться не вперед или назад, а вниз или вверх. Кстати, символично.

Давн-сити – место, где я живу. Здесь на кладбище я похоронил Мэри. Район крайне неблагоприятный, грязный и темный. Максимальная противоположность Аптауна. Как будто демиурги хотели строго разделить город на свет и тьму.

Вот только не получилось.

Несмотря на всю жестокость улиц Давн-сити, они остаются откровенными и простыми. Чего не скажешь о чистеньких стенах Аптауна, за которыми плетут самые омерзительные интриги. Высший свет вершит судьбы простых людей. Злобные пауки под вылизанными масками людей гребут власть, жизни и даже души ради собственного достатка и величия.

Но кто я такой, чтобы осуждать их? Человек по натуре сделан таким, что ему необходимо стремиться к доминации над другими. В противном случае его можно назвать неполноценным.

Рядом со мной сидит крупный мужичок. Я чувствую, как он поглядывает на меня, и, когда я отвечаю взглядом, он слегка ухмыляется и говорит:

– Хотите, расскажу анекдот?

Я ничего не отвечаю.

– Значит так. Идет суд над молодой женщиной. Судья говорит: «Подсудимая, вы убили своего мужа. Расскажите, как это произошло». Она увлеченно отвечает: «Знаете, я часто пользуюсь банковской карточкой своего мужа, а он у меня

такой скряга, постоянно меняет пароли. И когда это происходит, я всегда закатываю скандал, пинаю его в пах и выбиваю заветные цифры силой. Последний раз я перестаралась. Он упал, корчась от боли, замертво». Судья устало говорит: «Вы же понимаете, что за такое тяжкое преступление вас приговорят к смертной казни?». А та отвечает: «Конечно, я на это и рассчитываю». Зал замирает в недоумении. Женщина поясняет: «На том свете я смогу встретить мужа и продолжить допрос». Судья хмурится, протирает очки тряпкой, сопит в непонимании: «То есть как? Вы же понимаете, что, если даже тот свет, как вы говорите, существует, вы попадете туда и чудом встретите одну из миллиардов душ, выбьете из мужа пароль, вы все равно не сможете вернуться обратно и воспользоваться этими деньгами». Женщина загадочно улыбается: «Ничего вы не поняли, ваша честь. Не нужны мне никакие деньги. Я просто хочу снова услышать своего мужа». Судья уже переходит на иронию: «Видно, у вашего супруга очень красивый голос». На что та отвечает: «Голос как голос, но бубенцы звенят знатно».

Наконец тишина в лифте. Я молча встаю с места и двигаюсь к дальнему углу, где находится автомат с напитками. Никогда не слышал более отвратительного анекдота. Разве что про двух психов и фонарик. Но это совсем другая история.

Я покупаю банку пива и смотрю в окно.

Лифт привозит меня в Аптаун. Дверцы еще не открылись, а я сквозь потертое стекло уже вижу отблески восходяще-

го солнца. Они сливаются с теплыми тонами высокотехнологичных фонарей.

Здесь все такое мягкое и уютное. Усыпляет бдительность с первых секунд. Еще одна причина, почему Аптаун мне не нравится.

Я достаю коммуникатор и заказываю такси. Летающий автомобиль подошел почти мгновенно.

– На Главную Площадь. В Лазурные Покои, – произношу я, садясь на заднее сиденье.

Через полчаса я стою в коридоре перед самым охраняемым кабинетом в городе. Солдаты проводят меня через несколько порталных детекторов. Я оставляю револьвер, коммуникатор и даже балисонг, подаренный матерью. На мне остается вся моя одежда, включая плащ и шляпу, но я чувствую себя голым. Как рыба, выпрыгнувшая на сушу.

К слову, пиво у меня забрали первым делом.

Меня заводят в просторное помещение. Светлое. Белое искусственное дерево обрамлено золотыми сплавами. Бежевые шторы распахнуты, позволяя солнцу демонстрировать свою власть над тьмой. У окна стоит седой усатый мужчина в роскошном костюме.

– Свобода воли – есть не что иное, как самая грандиозная иллюзия, – начинает он менторским голосом, даже не глядя на меня. – Сознание стремится догнать и мысли, и чувства, вот только бессознательное всегда впереди. Самое невероятное явление, способное нарушать законы физики, кхм, мерк-

нет перед величием тесной клетки, в которую ее поместили. Вас этот факт не пугает, мистер Найс?

Он оглядывается и старательно сверлит меня испытующим взглядом.

Роланд, мать его, Ларисон. Президент Юниоса и бывший директор корпорации «Мортек». Человек, способный заговаривать зубы миллионной толпе с каменным лицом, имитируя причастность к поддержке каждой семьи своего города.

Я невольно ухмыляюсь и коротко киваю.

– Не люблю задумываться на всякие метафизические темы. Я их просто не понимаю. Скажите лучше, на что я подписался?

Мне как будто не важно.

– Присаживайтесь в кресло, прошу, кхм. Будете чай или кофе? Или сок?

– Я бы предпочел то, что у меня отобрали.

Президент улыбается. Вроде по-доброму, но сквозь коварный прищур я вижу нотки надменности.

– Пиво? Издеваетесь?

– Оно безалкогольное.

– Давайте посерьезнее, кхм. Я хотел, чтобы наш диалог прошел на соответствующем уровне. А конфиденциальность необходима, потому что дело касается моей личной жизни.

Смешно. Все государственные дела резко становятся такими важными, когда в них появляется слово «личное». Но я готов слушать.

Усевшись, я скрестил руки на груди, демонстрируя взглядом легкую обиду. Пиво мне так и не вернули. Президент чуть ухмыляется и садится на диван неподалеку.

– У меня есть внебрачная дочь, – начинает он.

Вот так сюрприз. Этого я не знал. Как и весь город.

Он продолжает, опустив взгляд.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы об этом узнала пресса. Я стараюсь быть честен со своими горожанами, но некоторые факты лучше скрывать. Враги могут воспользоваться этим, подставив под удар не только меня, но и весь Юниос, кхм.

Как самовлюбленно.

– От меня вы что хотите? – я цинично вздыхаю. – Предложите подработку нянкой на полставки?

Президент грустно отводит взгляд.

– Ее похитили.

Это заставляет меня нахмуриться. Что-то здесь не так.

– И вы позвали меня только сейчас? Хотя ваши орангутанги могли забрать меня сразу, как встретили на кладбище.

– Я же говорю, все не так просто, – он устало вздыхает, ему не хочется объяснять. – Перед тем, как довериться вам, кхм, я должен был кое в чем удостовериться.

Вечные многоходовки. Ненавижу этих вельмож.

В кабинет заходит девушка в сером костюме. В руках поднос с двумя чашками. Приветливо улыбаясь мне, она ставит на журнальный столик обе чашки. Черный чай и кофе с молоком. Интригующе. Я так и не сделал выбор на словах, а

Президент заставляет теперь обозначить выбор действием. Я могу взять тот или иной напиток, а примет ли Роланд оставшийся? Что, если я не притронусь ни к одному? Он сделает выбор за меня? Или это все мне? Стоп. Когда он успел заказать? Видимо, еще до того, как я зашел в кабинет. Кстати, где предложенный сок?

– Я знаю, что времени мало, кхм, – продолжает он, – но торопиться и принимать бездумные решения нельзя. Я уверен, что моя дочь жива, и, если сделать неверный шаг, все может только усугубиться.

– Вы говорите какими-то загадками. Сколько за нее просят?

– О, увы, выкуп за нее не требуют. Тут все гораздо страшнее. По проверенной мной информации мою дочь похитил Порицатель.

Я чуть не подпрыгнул с кресла. Мой тон огрубел.

– Что?! Он снова вернулся?

Порицатель. Давно я не слышал это имя. Человеком я называть его не могу. Это существо озлоблено на весь мир. Лишенное морали, оно творит самые отвратительные преступления. Порицатель не просто похищает людей. Он ломает их, насиует души. А других заставляет решать идиотские головоломки, чтобы спасти пленников. Кто-то сходит с ума. Другие отдают жизнь. Лишь немногие способны выйти из дерьма, которое замешивал Порицатель. Знаю лично только двух таких людей. Один из них – это я.

– У меня условие, – я прищурено смотрю в глаза Президенту.

– Просите любые деньги, кхм.

– Пятьдесят тысяч кредитов.

– Это приемлемо.

– И выпустить из тюрьмы Вениамина Хлебникова.

– А? Но это невозможно. Он убил одного из сотрудников и теперь отбывает пожизненное, кхм.

– Без него я не справлюсь с Порицателем. Да и вы как Президент можете амнистировать его по щелчку пальца.

– Вы правы, но Хлебников – опасный преступник.

Девушка с подносом снова вошла в кабинет, не снимая с лица улыбки. На этот раз она поставила передо мной большую кружку с желтоватой жидкостью.

– А это запоздавший сок?

Президент мягко улыбается.

– Кхм, это то, что вы хотели, кхм. Пиво.

Странно все это. Но я неторопливо начинаю пить. После третьего глотка я резко отдергиваю стакан и выплевываю жидкость, подобно пульверизатору.

– Что это за?..

Это не мое пиво.

Роланд ухмыляется, как маленький ребенок, сумевший обмануть взрослого.

– Оно безалкогольное, кхм.

Я морщусь и ставлю стакан на столик подальше от себя.

Девушка с подносом подает мне полотенце, чтобы я смог вытереть руку и брюки.

Нужно продолжать разговор. Без Хлебникова я действительно не справлюсь.

– Все мы прекрасно понимаем, что его проступок был недоразумением. Но, на самом деле, не важно. Вы ведь готовы на многое, чтобы спасти своего ребенка?

Манипулировать манипулятором? Я сегодня в ударе. Президент опустил взгляд.

– Хорошо. Я выпущу его из-под стражи, кхм. Но он обязан будет носить браслет слежки.

– До конца жизни?

– Хотя бы до конца дела, кхм.

– По рукам. Пусть он сам будет и недоволен.

Президент встает с дивана, подходит к столу и достает из сейфа черную папку.

– Здесь вся собранная мной информация по делу. Не вздумайте потерять отсюда хотя бы листочек, кхм.

Я принимаю папку и открываю ее. Честно сказать, доверие Роланда Ларисона меня пугает. Содержимое папки захватывает мое внимание. Фотографии заброшенных помещений, где когда-то проводил свои извращенные игрища Порицатель. Шпионские документы о тайных встречах агентов различных корпораций. Интересно. Президент подозревает конкурентов «Мортека» в том, что его внебрачная дочь оказалась в лапах Порицателя? Но дальше самое интересное –

досье женщины из Давн-сити.

– Кто это? – я указываю на фотографию.

– Мать моей дочери.

Я раскрываю досье и вижу еще одну фотографию. Девочка лет девяти. Задорные черты лица, черные волосы в аккуратной прическе-каре. Сомнений нет, ее мне и предстоит вырвать из Преисподней. Бедное невинное дитя. Страшно представить, что сейчас с ней происходит.

Я скольжу взглядом по досье матери. Елизавета Белова. Спускаюсь ниже к графе «дети». Мое сердце замирает, когда я вижу имя.

Мэри...

Невероятное совпадение, но я стараюсь держаться спокойно.

– Елизавета сообщила вам о пропаже дочери?

– Да. Думаю, кхм, с нее вам и стоит начать расследование.

– Я лучше знаю, с чего мне начать.

Закрываю папку и прячу ее за пазуху. Встаю с кресла и обращаю взор в сторону выхода.

– Есть еще что добавить?

Президент хмурится.

– На вашем пути встретятся и другие враги, кроме Поричателя.

– Я уже понял.

Такое чувство, будто я собрался не спасать дочь Президента, а ввязываюсь в противостояние синдикатов Юниоса.

С тех пор как Ларисон стал Президентом и основал госкорпорацию «ЮнКомп», другие предприятия попали под угрозу включения в холдинг. Этот парень затеял опасную игру. Но кто знает, как изменится город, когда Президент добьется своего?

В конце разговора он встал и, подойдя к окну, сказал:
– Мистер Найдс, а вы дорожите своим сознанием? Или все наоборот, кмх? Ваше сознание дорожит вами? Задумайтесь на досуге.

Я вышел из кабинета, ничего не ответив. Амбалы вернули мое имущество. Далее – курс на городскую тюрьму.

К слову говоря, в Давн-сити есть еще две тюрьмы. Но по сравнению с ними местная – в буквальном смысле санаторий.

Здесь все источает комфорт. Как я уже писал, каждый уголок этого района усыпляет бдительность.

Люди преодолевают расстояния не на метро, а на летательном транспорте. Каждое здание отполировано и сияет в лучах солнца днем, в отблесках теплого неона ночью. Зеленые деревья бережно высажены. По улицам бродят полицейские патрули, следящие за порядком. Дети играют в песочницах. Взрослые наслаждаются жизнью. Старики смиренно ждут своего часа.

Утопия.

Вы прекрасно знаете, что такое «утопия». В двадцать втором веке стыдно не знать.

Я пробираюсь среди всего этого великолепия, стараясь отстраниться от счастливых прохожих, решающих обратить на меня внимание. Они понимают, что такой угрюмец выбрался к ним из Давн-сити. Они готовы с широкими улыбками желать доброго дня, а где-то в душе насмеваются.

Игнорируя саднящий зуд, я понимаю, что должен дать шанс этим людям. Но я никогда не прощу себе, если доверюсь и упаду в грязь лицом снова.

Дует легкий ветерок. Я поправляю воротник, поднимая его чуть выше.

Вот и здание тюрьмы. Такое же светлое и чистое, как все остальные. Прямо посреди города.

Я захожу, но меня останавливает охранник. Я молча встаю на месте, и тот сканирует мое лицо коммуникатором.

– Проходите, – приветливо говорит он.

Еще бы Президент не отдал распоряжение пустить меня сюда. Никто не сомневался, что во многих предприятиях для меня теперь зеленый свет.

В фойе у стола дежурного стоял крупный мужчина в бежевом пальто и черном свитере. Сотрудник заполнял какие-то бумаги, а мужчина терпеливо ждал, облокотившись о стол.

Я сразу узнал его.

Пусть мы провели лишь одно дело, и то не очень успешно, я надолго запомнил этого мужика. Вениамин Хлебников, бывший следователь местной полиции. После нашего проникновения в поместье Порицателя злодей сбежал из горо-

да. К несчастью, он подстроил так, что Вениамин застрелил своего коллегу. Главное – не напоминать ему о том промахе.

– Товарищ Хлебников, тебе еще не выдали личное оружие? А то мало ли, спутаешь и меня с Порицателем.

Вениамин медленно обернулся. Озлобленный взгляд, хитрая ухмылка изгибает огромный шрам на щеке.

Да, я задел его. Но это все тот же бугай, способный на сарказм.

– Не бойся, я тебя ни с кем не перепутаю. Выстрелю в тебя специально.

Я чуть ухмыльнулся. Пожалуй, это единственный мой знакомый, который говорит о том, что застрелит, а сам под пулю бросится, чтобы спасти. Уникальный человек.

Когда-то я был его фанатом. Сейчас я все больше похож на его приемника.

– Твоя работа? – он разворачивается ко мне всем телом и наклоняет голову.

– Да.

– Как тебе удалось?

– Подвернулось дельце. Пришлось убедить Президента выпустить тебя из-под стражи.

Дежурный заканчивает заполнять документы и обращается к освобожденному. Он протягивает ему пакет с личными вещами и черный браслет с маленькой красной лампочкой.

– А это еще что за хреновина? – возмущается он, вертя в руке браслет.

– Пожалуйста, наденьте его на ногу, и можете идти, – говорит дежурный и приветливо улыбается.

Вениамин смотрит на него, как на дерьмо. Я знал, что ему эта затея не доставит радости. Он оборачивается на меня. Я пожимаю плечами. Вениамин все понимает. Вдох – и он наклоняется, чтобы нацепить шутовину на голень.

– Хорошего дня! – прощаются с нами охранники.

Вениамин важно шагает на выход, поднимая руку с оттопыренным средним пальцем. Я лишь молча киваю и следую за ним.

Следак выходит на свежий воздух и упирается кулаками в бока. Вдыхая полной грудью, он осматривает город.

– Как будто и не вышел из тюрьмы, – ворчит он, мысленно сравнивая тюрьму со всем Аптауном. – Что там за халтурка? Я протягиваю папку.

– Эту девчонку надо найти. Ты уже догадываешься, у кого она.

Вениамин хмурится, изучая документы.

– Кто эта девка? И ее мать. Как они связаны с президентом?

Я вздыхаю. Как бы мне ни хотелось поделиться этим с другом, но я не могу. Даже если Вениамин пообещает, что никому не расскажет, Президент будет в ярости, если я разболтаю его тайну. Пусть этот козырь побудет пока только в моем рукаве.

– Какие-то работяги. У Роланда назревает война с синди-

катами.

– В этом городе с самого основания война гражданская. Возможно, она и послужила двигателем прогресса.

– Ты хочешь сказать, что война – это хорошо?

Он отрывается от папки и смотрит на меня осуждающе.

– А что хорошего в прогрессе?

Я его понимаю. Как же мне не хватало этой мрачной иронии.

– Порицатель вернулся, – задумчиво произносит Вениамин и закрывает папку, – а значит, и я тоже.

Он резко протягивает мне папку, чуть ли не бросая, и быстро движется вперед по тротуару.

– Эй?!

– Разделимся.

Он всегда был одиночкой. Он всегда за то, чтобы, работая в команде, разделяться. Он всегда терпел поражение, не следуя этим принципам.

Я такой же, как он.

– И куда ты пошел?

– Нужно проверить этих корпоратов из «Лиарда», «Хав-Прома» и «ЛайфСтроя». Их либо подставили, либо они работают с Порицателем.

– А мне что делать? – я сам не ожидал от себя такого вопроса.

– Иди к той бабе. Опроси ее.

Я тихо улыбаюсь. Но понимаю, что начать дело именно с

Елизаветы я планировал еще до того, как это озвучил даже сам Президент.

– Постой!

Вениамин останавливается и оглядывается.

– А если с тобой что-то случится? Не забыл, как стрелять?

Эти корпораты не дадут спуску, если что.

Он усмехается и поднимает штанину, напоминая про браслет.

– Не волнуйся, за мной есть кому присмотреть.

Сарказм на грани. Это когда-нибудь погубит одного из нас. Если не обоих. Но Вениамин относится к людям, которые лучше сдохнут, чем всю оставшуюся жизнь будут сидеть на цепи.

Время вернуться в Давн-сити.

Наконец-то.

Долгий спуск на городском лифте. В этом я встретил гораздо больше людей. Несколько ребят студенческого возраста, пара серьезных мужиков, похожих на коллекторов, старичок, одетый в весьма дорогой пиджак. Ничего интересного.

Я еще раз открываю папку, чтобы вспомнить адрес любовницы Президента. Ярлоу-стрит, дом сто пять, квартира пятнадцать. Не самый благоприятный микрорайон даже для Давн-сити. Неужели Роланд не мог обеспечить свою родную дочь нормальным жильем? Не удивительно, что с ней что-то случилось. С другой стороны, этот наглец не стал бы так подставляться. Что подумали бы люди, когда у нищенки вне-

запно появляется ребенок невесты от кого и сразу же ее финансовое положение улучшается? Да, эта девка должна была понимать, на чей член залезает.

Я сажусь в метро. Путь до Ярлоу-стрит неблизкий. В вагоне пахнет машинным маслом и дешевой едой. Я ловлю взглядом паренька, уплетающего хотдог. Молча желаю ему приятно подавиться.

Открыв коммуникатор, начинаю изучать прошлые деяния Порицателя. Я читал эти статьи много раз, но до сегодняшнего дня даже не догадывался, что он мог иметь дело с синдикатами. Вдруг я найду какую-нибудь зацепку.

И так я два часа всматривался в трясущийся экран. Ехать в метро и читать – не самая лучшая идея, но заняться мне больше нечем. Я пытался уснуть хотя бы на двадцать минут, но происходящие события не давали покоя.

Иногда я задаюсь вопросом: как я вообще попал в этот город? Что я в нем нашел? Почему меня так привлекают эти интриги, убийства и расследования тяжких преступлений? Возможно, я всегда был таким. Возможно, я и есть порождение мрака, в котором мне уютно. Просто так получилось, что я оказался на стороне добра.

Добро.

Неужели в мире все так просто? Добро и зло. Больше ничего.

Нет. В глубине души я всегда знал, что такое серая мораль. Нет конкретно добрых или конкретно злых. Все люди

считают себя правыми, а остальных – всего лишь декорацией окружающей вселенной.

И знаете, что?

Я понял смысл фразы «добро всегда побеждает зло». Раскрыть вам тайну? Историю пишут победители. Еще одна известная формулировка, но в ней истина отражается более откровенно. Тот, кто победил, и есть «добро». Самопровозглашенное, но какие еще могут быть варианты?

Мы часто демонизируем своих врагов. А они, в свою очередь, могут оказаться всего лишь нашими жертвами.

Это не просто мысли. Я настраиваю себя.

Мне предстоит встреча с реальной жестокостью. С чудовищем, от поступков которого в жилах стынет кровь даже у самых закаленных.

Я знаю, в схватке против Порицателя каждый горожанин Юниоса причислит меня к борцу за добро. Но пока я его не победил, я должен быть готов к тому, что стану для этого урода настоящим злом. Жестоким и неумолимым.

Ярлоу-стрит. Дом сто пять. Квартира пятнадцать.

Я стучусь в слегка заржавевшую дверь. Тишина. Стучусь еще раз, громче и настойчивее. Слабый женский голос приглушенно отвечает мне:

– Открыто.

Я захожу. Осматриваю пожелтевшие обои и устаревшую мебель. Из техники здесь тоже нет ничего новенького. Типичная нищая квартирка Давн-сити. Я прохожу в дальнюю

комнату. Женщина лет тридцати сидит в кресле у окна. По-
красневшие глаза устало смотрят в стену. Я подхожу к ней
и осматриваю с ног до головы. Тапочки, коричневый пенью-
ар, каштановые волосы собраны в хвост. Ее лицо выглядит
несчастливым, но спокойным.

– Я расследую похищение вашей дочери. Вы ведь Елиза-
вета Белова?

Она молчит. Никакой реакции. Возможно, если бы я был
грабителем, ее настроение тоже не поменялось бы.

– Понимаю, вас уже расспрашивали. Но не могли бы вы
еще раз повторить, как поняли, что вашего ребенка похити-
ли? И как быстро сообщили, эм, отцу?

– Я сразу написала сообщение Президенту, – ее голос
осипший, надорванный. – Мэри не вернулась после школы.
Я обзвонила всех ее подруг, мне сказали, что моя девочка
пропала на перемене между уроками.

Я в очередной раз открываю папку. Люди Роланда уже
проверили и школу, и всех подозрительных лиц. На фотогра-
фиях никакого намека на Порицателя, лишь странные люди
в черных костюмах. К Порицателю вела лишь записка, ис-
полненная кровью:

Спасешь девчонку лишь после заката.

А если не сможешь, то будет расплата.

Она в кандалах среди трех злых зверей.

Ложись быстро в гроб и окажешься с ней.

Я знаю этот почерк. От него у меня пробежались мурашки по пояснице.

К записке прикреплен отчет врачей из судебно-медицинской экспертизы. Кровь принадлежит Мэри Беловой.

Я поднимаю взгляд. Елизавета так и не шелохнулась, продолжая сидеть подобно кукле, с которой поиграли, а потом бросили и забыли.

– Вы в курсе, что есть основания полагать, что ваша дочь у Порицателя? Слышали о нем?

Ни один мускул на ее лице не дрогнул. Она отвечает:

– Нет, не в курсе. И, да, слышала.

Я удивлен.

– И вас это не пугает?

– Нет.

Что-то мне подсказывает, что зря я пришел сюда. Женщина не только не поведала ничего нового, но и своим оцепенением испортила мой настрой. Ей словно плевать. Хотя заплаканные глаза говорят о том, что она все-таки переживает.

Перегорела?

Сомневаюсь. Она как будто знает что-то, чего пока не знает никто. И если даже речь о Порицателе не испугала ее... Я должен докопаться до истины!

Я подхожу ближе и опускаюсь на колено, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Я смотрю ей в лицо, стараюсь выдать сочувствие. Мне правда хочется помочь. Более

того, мне хочется пожалеть эту женщину. Коснуться ее ладони своими пальцами. Утешить.

Но я сдерживаю этот порыв. Я прекрасно знаю, к чему это обычно ведет. И меня останавливает даже не боязнь Президента. На него мне плевать. Просто я оказывался в такой ситуации не однократно. Поначалу мне это нравилось. Но со временем я стал понимать, что это лишь иллюзия истинных намерений.

Я не должен сопереживать этой женщине. И уж тем более выражать свое сочувствие. И я не обязан ее утешать.

Я должен только найти ее ребенка.

– Вы что-то скрываете от меня, – мой голос приобретает строгий оттенок.

– Нет, – безучастно говорит она и внезапно отводит взгляд.

Лжет.

Я хватаю ее за плечи и с силой встряхиваю, желая заставить смотреть лишь мне в глаза. Она кривит рот и начинает плакать.

– Отвечай! О чем ты умалчиваешь?!

Я оскалился. Эта баба меня по-настоящему разозлила. Как можно быть такой безучастной, когда речь идет о твоей дочери? Это отвратительно! Мне настолько противно разговаривать с такими слабыми духом людьми, что я даже хочу ударить ее.

Пальцы сжимаются в кулак. Я действительно готов это

сделать.

Тихий звон стекла. Из виска Елизаветы вырываются брызги крови. Я резко отпрыгиваю.

Кто-то выстрелил в нее.

Пуля проносится и возле моего лица. Я успел увернуться.

Отскочив в укрытие в виде металлического стола, я хватаю свой револьвер. Осторожно оглядывая разбитое окно, слышу свист еще одной пули.

Кажется, я в западне.

Взглянув на труп Елизаветы, я мысленно извинился перед ней и предельно осторожно направился в сторону выхода.

Оказавшись на улице, я осмотрел соседнее здание. Снайпера не видно, но он точно есть. Либо на верхних этажах, либо на крыше. Он как-то следил за мной, пока я находился внутри. Сейчас – ни намека на стрельбу.

Я хочу забежать в это здание и подняться, чтобы проверить, но тут же замираю и резко отпрыгиваю назад, чтобы избежать вертикального удара странным металлическим предметом. Непонятно откуда взявшийся мужик в сером деловом костюме. В руке он держал не меч и не топор, а самый обычный чемодан.

Впрочем, вру. Чемодан этот далеко не обычный.

Неизвестный не останавливается на одной попытке и продолжает махать чемоданом, заставляя меня уклоняться и отпрыгивать назад. Боюсь, если этот уродец заденет, травма обеспечена.

Я отскакиваю как можно дальше и направляю ствол в нападавшего. Он закрывает лицо чемоданом. Я стреляю, постепенно опуская мушку. Мужик открывает чемодан и из него вываливаются бронированные пластины, сложенные гармошкой. Каждая моя пуля рикошетит.

Вот засранец!

Я оглядываюсь. Прохожие уже давно попрятались в укрытия. Надеюсь, хоть кто-нибудь позвонил в полицию? Впрочем, не важно. Я должен разделаться с чемоданщиком и снайпером. Непростая задача. Но я бывал и в худшем дерьме.

Их целью была не только Елизавета, но и я. Иначе они бы скрылись сразу после убийства женщины. Поэтому я не собираюсь выходить на открытое пространство, чтобы стать легкой мишенью. Мне нужно пробраться в переулок за дом, чтобы снайпер меня не достал. Киллер с чемоданом погонится за мной.

Погнался.

Спрятавшись за мусорными контейнерами, я достал балисонг и нехитрым движением открыл его. Негодяй, уже со сложенным чемоданом, выскочил, словно зная, что я поджидаю в засаде. Он замахнулся оружием над головой, но я вовремя успел выставить руку и схватить его за запястье. Мой нож тут же пронзил низ его живота. Этот джентльмен мог быть в бронежилете, да и убивать его пока я не намеревался.

Скользящим движением я вытащил нож, разрывая рану, чтобы кишки выглянули наружу, а после ударил его лбом в

нос. Чемодан рухнул на землю, наемник пошатнулся. Сбив его с ног, я напрыгнул сверху и сжал его челюсть до хруста. Убрав балисонг, я достал револьвер и прижал дуло к ноздре: мало ли. Череп, оснащенный защитными пластинами, или какая другая аугментация.

– Говори, от кого ты?! Живо! – я и не надеялся на ответ, но попытаться стоило.

Он харкнул кровью мне в лицо и уныло ухмыльнулся. Я со злости ударил его рукоятью в лицо. Говнюк вырубился.

Пошарив по чужим карманам, я нашел визитку от корпорации «Мортек». Значит, это точно не от них. Такая банальная подстава не могла произойти в городе интеллигентов и интриганов.

Оставив бездыханное тело для полиции, я поспешил миновать закоулки и забраться в дом, на крыше которого обосновался снайпер. Но сколько бы я ни блуждал и ни опрашивал людей, следов стрелка найти не удалось. Видимо, сбежал сразу же. А этот урод с чемоданом прикрывал его отход. Хитро.

Мой коммуникатор запиликал. Звонит Вениамин. Я беру трубку.

– Как дела? – запыхавшимся голосом говорит он.

– На меня напали. Кто-то хочет подставить «Мортек». Причем очень примитивно.

– Аналогичная ситуация. Три химика с символикой бывшей корпорации Президента. Говорить они отказывались и

сражались до последнего. Надежные ребята, но слабые.

– Химики? Они тебя крысиным ядом замочить хотели? – усмехнулся я, думая, кому киллеры попались поинтереснее.

– Ну, почти. Слушай. Нужно встретиться. Кажется, я знаю, где Прицатель прячет девчонку.

– Хорошо. Где?

– Большой Мост знаешь? Под ним у западного подступа.

– Выдвигаюсь.

Я возвращаюсь в переулок. Мужика с чемоданом уже не было, а полиция так и не подошла. Как-то даже обидно, что напарник провел время эффективнее.

Но мне плевать. Сейчас самое главное – спасти девочку.

Я добираюсь до территории Большого Моста на метро. Гигантская платформа обеспечивает дорогу для колесного и рельсового транспорта над кучей самых нижних домов. Забавно, что даже в Давн-сити есть своя иерархия.

Мне как раз нужно преодолеть весь мост, чтобы оказаться у западного подступа. Я смотрю в окно. Самое дно всего Юниоса. С этого ракурса разбрызганные мелкие домишки, в которых живет всякий сброд, похожи на озеро из испражнений.

Сочувствую ли я им? Нет. Они сами оказались там. Я знаю много людей, сломленных и покалеченных, тех, у кого отняли все. И они все равно смогли остаться на плаву. В самом низу же обитают отбросы общества, не способные к нормальной социальной жизни.

Эта поездка, кажется, длится целую вечность. У меня начинают болеть глаза. Я отворачиваюсь и достаю коммуникатор, чтобы развеяться. Новости Юниоса. Отличная возможность сменить взгляд с грязной правды на сладкую ложь.

И да, там ни слова о беде Роланда Ларисона.

Наконец моя остановка. Я выхожу с толпой и спешу спуститься по каменной лестнице к основанию моста, где меня ждет Вениамин.

Он прижимается спиной к холодной стене, листая желтую газету.

– Где ты это подобрал? Их еще выпускают? – удивляюсь я.

– В этом мире что только не выпускают, – хмыкает он, сминает газету и выкидывает в сторону. – Даже меня из тюрьмы.

И то верно.

– Что там у тебя? Много нарыл?

Я замечаю, что его плащ запачкан белой краской. Ну, или чем-то похожим на краску. Столкновение с бандитами не прошло бесследно. Надеюсь, это не самая любимая одежда Хлебникова? Не хочу видеть его в ярости. Ужасное зрелище. Никому не рекомендую.

– Только намек на пристанище нашего подонка.

Он движется под мост глубже.

– Куда мы идем?

– Сейчас узнаешь.

Лифт на самое дно. Грязный, изрисованный и обоссан-

ный. Никогда не думал, что окажусь перед ним. Вениамин заходит внутрь.

Даже я брезгую следовать за ним.

– Серьезно?

– Давай, погнали! У нас нет другого спуска туда.

– Может, такси?

– Ты дурак? Никто туда не полетит. Быстрее заходи, у нас мало времени.

Я тяжело вздыхаю. Придется заткнуть нос.

Пока мы спускались, Вениамин рассказал мне, что после пропажи Мэри Беловой внутри корпораций началась подозрительная суeta. Подставные убийства, махинации экономического характера, саботаж, подделка официальных документов, рейдерские налеты и даже хакерские атаки.

Я не совсем понимаю, как это связано. Что же от меня скрывает Роланд?

Один из синдикатов наткнулся на Порицателя. Они схватили его. Пытали. Готовились казнить. До сегодняшнего дня я думал, что его ненавидят все, и мирные граждане, и представители нелегального бизнеса, но кто-то напал на бандитов, чтобы освободить самого конченного урода среди всех преступников.

Его освободили. Но зачем? Чтобы он пытал дочь Президента? Что-то не складывается. В мире есть много других садистов. В каждой корпорации куча засранцев, не обремененных моралью.

Здесь сокрыта тайна, которую я не могу постичь. Мне хочется рассказать Вениамину о том, кем приходится Мэри Белова Президенту, но сдерживаюсь.

— Все улики ведут сюда, — говорит он и показывает фото на своем коммуникаторе.

Заброшенный металлургический завод. Так вот куда мы направляемся.

Я поднимаю глаза и смотрю через потертое стекло лифта на огромное черное здание, возвышающееся среди мелких каменных и деревянных построек. Очередной дворец отчаянья, выбранный Порицателем для своих извращенных забав.

Лифт останавливается. Я с нетерпением жду, когда ржавые дверцы раскроются, и быстро выскакиваю из короба, смердящего мочей и дерьмом. Вениамин тоже не желает задерживаться там, хоть и выносит стойко, словно всю жизнь провел в этих помоях. Или, быть может, он сосредоточен на деле?

Дно пустынно, но я знаю, что в этих руинах и импровизированных шалашах прячутся люди. Недостойные даже лицезреть продукты прогресса, они, словно вредители, забились в свои норы, ожидая самого темного часа.

Здесь необходимо быть начеку.

И я не зря держу руку на кобуре. Из-за угла на нас выскакивает несколько людей в черном. Вооруженные штурмовыми винтовками, они тут же открывают огонь. Мы с Вениамином отскакиваем в разные стороны, ища первое удобное

укрытие.

Корпораты? Опять эти гадкие корпораты!

Завязывается перестрелка. Но кто – два человека, вооруженные револьверами, против целой толпы автоматчиков? Даже если удача и улыбнется нам, и мы выживем под шквалом свинца, патроны у нас не бесконечные.

– Стоп! – слышится командный голос вдалеке, прекращающий стрельбу.

Этот голос мне знаком. Я выглядываю осторожно, одним лишь глазом. Из толпы нацеленных на меня стрелков выходит мужчина в пиджаке и черных очках. Один из тех людей Президента, кто встретил меня на кладбище. Какого черта?

– Я знаю, вы славно потрудились, но на этом ваша работа закончена, – продолжает тот. – Вы можете просто сдохнуть здесь. Или же присоединиться к нам.

Я не до конца понимаю, что происходит. Где-то меня надули, это факт.

– Что ты творишь? – женский голос. – Они нам не нужны! Просто застрелим их тут и продолжим миссию. Огонь!

Секретарша Президента? Я не сразу узнал ее в спортивной одежде и с наглой рожей, лишенной дежурной улыбки.

Автоматчики снова начали стрельбу. Я прячусь поглубже за гигантскую чугунную ванну, выброшенную сюда еще десятилетия назад. Долго ли она продержится перед тем, как яростные пули развалят ее и смогут прошить мое тело насквозь?

– Хватит, я сказал! Идиоты, вы слушаетесь кого? Меня или ее?

Кажется, внутри группы моих врагов начинается перепалка. Удача точно на моей стороне. Я гляжу в сторону Вениамина. Этот проныра уже куда-то сбежал. Не думаю, что струсил. На него это точно не похоже.

– Вениамин Хлебников и Пит Найс прекрасно подойдут для команды оппозиции, – продолжает амбал.

Вот так новости! Значит, они решили пойти против Роланда. Не помогла ему его конспирация. Чужие среди своих. Всегда помни это, особенно когда ты сам не чист.

– Да черт с ними! Они не вписываются в протоколы синдиката. Да и вообще... Мы и так уже открыли по ним огонь. Огонь!

Безмозглые корпораты даже не задумывались, кого слушаться. Одна предательница власти заставляет их открывать стрельбу, второй – прекращать. Смешно. Не будь это так опасно для моей задницы.

Я пытаюсь покинуть укрытие, чтобы занять более удобную позицию, но свистящие над головой пули не дают этого сделать. Побегу, и меня точно подстрелят.

Внезапно стрельба прекращается. И далеко не по приказу одного из горе-командиров.

– Граната! – воскликнул один из стрелков.

Большая часть балбесов не успела разбежаться, взрыв накрыл их, лишив возможности продолжать стрельбу. Пули в

мою сторону уже не летели, и я высунулся. Вениамин умудрился подкрасться поближе и метнуть им «сюрприз». Теперь он вырубает одного из отбившихся, забирает автомат и поливает огнем облако пыли, поднятое гранатой.

Кто-то пытается отстреливаться в ответ, лишь выдавая свое положение. Хлебников же занял удобную позицию, периодически укладывая одного за другим из выживших.

Я спешу ему помочь.

Покинув укрытие, направляю револьвер в сторону неприятелей. Пусть выстрелов от меня не столь много, но каждая пуля находит свою голову.

Перестрелка закончилась, когда пыль осела. В воздухе витал лишь едкий порошок. Предатель Президента, израненный в пузо, ползет, подтягивая туловище ослабшей рукой, словно желая спрятаться от нас. Жалкое зрелище.

Вениамин подходит к нему и наступает на запястье, выдавливая из бедолаги сиплый визг.

– Оппозиция, говоришь? – гневно рычит Хлебников. – Опять хотите гражданскую войну, уроды?

Вениамин пинает лежащего под дых, винтовка в его руках целится противнику в лицо.

– Да, Роланд – тот еще мерзавец. Но начинать кровопролитие среди мирного населения – верх безумства.

– Постой! Ты не знаешь... – взмолился оппозиционер.

Вениамин нажимает на спуск. Голова амбала разлетается на кровавые куски.

Вениамин цинично подбирает несколько полных магазинов.

– С одной стороны, даже хорошо, что они появились, – надменно цокает он. – Пушек нормальных нам подвезли.

Я прищурено смотрю на своего напарника.

– Мы могли сдать их Президенту. Кого-то можно было допросить.

– Не спорю. Но в мои интересы это тоже не входит, прости, Пит.

– То есть, как это?

– Я против оппозиции, но пока есть сдерживающий фактор, Роланд не сможет развить свою монополию до абсолюта. Пусть играет в шашки с этими безумцами. Если у него появится возможность перейти на шахматы против соседних государств, привычному миру придет конец. Весь Юниос может превратиться в то, что ты сейчас видишь вокруг себя. Оглянись.

Я промолчал.

– Бери оружие, и пошли спасать девочку. Я хочу, чтобы сегодняшний день закончился поскорее.

Вениамин в чем-то прав. Пусть он слишком радикален, но я не могу с ним не согласиться. Везде нужен баланс. И зачастую баланс требует черных поступков. Грязных поступков.

Я поднимаю автомат, испачканный в грязи и крови. На нем эмблема «Мортек». Я слишком часто встречаю этот логотип сегодня.

Такое чувство, будто они хотят отомстить ему. Но что же это... Получается, те, кто напал на нас с Вениамином по отдельности ранее, не подставные, а реальные последователи «Мортек»?

Кажется, эта головоломка будет массировать мои мозги еще долго.

Я иду за Вениамином. Он, уже подойдя к воротам завода, вдруг замер.

– Тихо! – шепчет он.

Замираю и я.

Слушать тишину до боли невозможно. Особенно когда она наполнена звуками окружающей среды.

Вениамин скалится. Кого-то услышал.

Выбивив дверь ударом ноги, он залетает внутрь. Даже не предупредил. Я к такому точно никогда не привыкну. Следую за ним, готовя оружие к бою.

Темнота.

Мы включаем подствольные фонарики, но от этого становится неуютно. Я как будто герой фильма ужасов. Впрочем, в полной темноте сражаться с Порицателем будет самой идиотской ошибкой.

Слышатся звуки каких-то зверей. Лязг цепей.

Мы здесь не одни.

Кто бы сомневался.

Темнота рассеялась, подобно стае ворон после выстрела. С гудящим шумом включаются прожектора, развешанные

над потолком и внизу возле стен. Я прищуриваюсь.

Старые динамики стряхивают пыль скрежетом клоунской мелодии.

Звон металла многократно усиливается. Десятки людей, утративших свою человечность после накачивания наркотой и аугментациями, яростно тянутся к нам с Вениамином. Цепи удерживают их за шею, но сколько времени они еще смогут сдерживать животную злобу?

Эти бедолаги, жертвы дьявольских экспериментов, являлись собой истинное воплощение ненависти Порицателя. К людям, к социуму. Не удивлюсь, если даже к самому себе.

Хлебников взглядом проходитесь по узникам. Он бегло считает их и мысленно оценивает соотношение патронов и голов. Его палец смещает предохранитель в режим одиночной стрельбы. Разумно. Я делаю так же.

Под искореженную музыку, предназначенную для детей дошкольного возраста, на самой верхней платформе цеха взрываются сценические фейерверки. Я поднимаю глаза и вижу, как выходит Он.

В черном фраке и цилиндре, разукрашенный под классического мима, монстр, не достойный называться человеком. На его черных губах красуется неестественная улыбка. Взгляд давно умершего человека искрит демоническим огоньком. Он покручивает трость в руке, наслаждаясь собственной шизофренией.

Голос его хорошо поставлен, но каждое слово вызывает

лишь отвращение:

– Дамы и господа! Добрый вечер! Сегодня на сцене вместе с нами два самых долгожданных гостя! Серая мышь по имени Пит Найс. И несравненный, великолепный, неподражаемый, уникальный, сногшибательный... Вениамин Хлебников! Встречайте этих суровых джентльменов на арене неопишемого отчаянья! Встречайте же их аплодисментами, от которых рвутся барабанные перепонки и из очей брызжет кровь!

– Скотина... – тихо проговаривает Вениамин и прицеливается в сторону злодея.

В это же мгновение цепи пленников слетают с креплений. Небольшая армия изувеченных работяг срывается с места, не позволяя Хлебникову выстрелить в главного гада.

Я открываю огонь, стараясь попадать если не в головы, то хотя бы в ноги нападавшим. Вениамину приходится также отстреливаться от них.

А тем временем Порицатель вальяжно выходит к середине платформы и нажимает на кнопку пульта. Платформа медленно начинает спуск вниз.

– Сколько еще предстоит страданий пройти нашим героям? Сколько трудностей на своем пути они еще не встретили, но готовы преодолеть? Мир запомнит их! Ведь сегодня они изменятся навсегда!

Куски плоти разлетаются в стороны. Кровь хлещет, пачкая даже мое лицо. Монстры неумолимы. Порицатель ис-

коренил в них страх. Как, впрочем, и все остальное, кроме покорности. Этим несчастных уже нельзя называть людьми. Они даже не звери. Просто мясные машины, выполняющие волю своего ужасающего господина.

Смерть для них – это подарок.

Вениамин стреляет, не боясь получить аугментированной конечностью по лицу, но ни один из уродцев так и не дотягивается. Он бесстрашно пробирается вперед. К опускающейся платформе.

– Прикрой меня! – кричит Хлебников и минует пару врагов, сталкивая их лбами.

Я не успеваю ничего сказать. Мой напарник двигается вперед, а основная часть мутантов хлещет на меня. Я отстреливаюсь как могу, но краем глаза смотрю на Вениамина.

Я знаю, что он хочет сделать.

Но что, если это ловушка?

Отстрелив последние патроны, Вениамин укладывает еще трех измененных, что находились подле Порицателя. Сам негодяй разводит руки в стороны и медленно сходит с платформы, неторопливо дефилируя навстречу своему главному врагу.

Запах пороха. Крики и стоны мутантов. Кровь. Боль и усталость.

Широким жестом Порицатель артистично кланяется приближающемуся Вениамину.

Вениамин выхватывает из-под плаща обрезанную двух-

стволку и стреляет дробью в улыбающуюся морду. Порицатель падает на спину. Но его лицо лишь слегка покрывается черной кровью.

Я никогда не встречал этого засранца, несмотря на то, что расследовал его дела. Но я слышал о его мутации. С рождения кожа бледна, как фарфор, а вместе с тем прочна, как сталь.

Вениамин тоже знает это. Отбросив обрез, он достает кастет, инкрустированный энергетическими усилителями. Накинувшись на подонка, Хлебников яростными ударами разбивает клоунское лицо, каждым выпадом выкрикивая жестокие вопли.

Я расправляюсь почти со всеми узниками. Остается лишь двое. Но патроны на нуле. Я быю ближайшего прикладом и бросаю автомат во второго. Эта задержка позволяет мне выхватить револьвер и балисонг. Рассекая воздух лезвием, я метко отстреливаю ноги обоим, после чего добиваю двумя четкими колющими в виски.

Теперь все мое внимание – на тех двоих.

Изнеможенный, едва стоящий на ногах, я подбираюсь ближе, желая помочь товарищу.

Впрочем, помощь ему не нужна.

Кастет трескается и распадается на две половины. Лицо Порицателя приобретает темно-серый оттенок, покрывшись микротрещинами. Хлебников избавляется от испорченного оружия и достает следующее. Небольшая, но удивительно

прочная цепочка. Обойдя Порицателя сзади, Вениамин накидывает инструмент казни на лицо и крепко сжимает.

Я смотрю в глаза Порицателю. Он смотрит на меня. Ни сожаления, ни страха, ни раскаянья. Большой урод. Даже в такие моменты он улыбается. И его улыбка под давлением цепочки увеличивается. Пока, наконец, Вениамин не отрывает половину головы.

Громко выдохнув, испачканный в чернильной крови, он падает без сил. Я подхожу и протягиваю ему ладонь. Он машет, намекая, что хочет еще немного полежать. Я грустно улыбаюсь.

Порицатель мертв.

В глубине души я торжествую, но стоило ли убивать его, пока главная цель не достигнута?

Мэри... Она все еще где-то здесь. Она еще должна быть жива.

Вениамин плачет.

Я непонимающе бросаю на него осуждающий взгляд. Я никогда не видел его таким. До этого жестоким, а сейчас – морально слабым.

– Я... – пытается начать он, а я терпеливо жду, пока у него получится. – Я много лет желал этого. Последние годы я жаждал лишь его смерти. Но что теперь? Стало лишь хуже...

Он самостоятельно поднимается на ноги и вытирает лицо.

– Мы должны спасти ее, – он старается выглядеть решительным, но по его глазам я вижу, что он сломлен.

Я даже не хочу смотреть на него.

Внезапно музыка стихает. Свет софитов тускнеет. Слышится мерзкий скрежет, похожий на бой курантов.

Я вспоминаю кровавую записку:

Спасешь девчонку лишь после заката.

А если не сможешь, то будет расплата.

Она в кандалах среди трех злых зверей.

Ложись быстро в гроб и окажешься с ней.

Ясно. Порицатель все подстроил с присущей ему театральностью.

Я осматриваю цех. Вокруг проходы в помещения поменьше. Каждый из них обозначен различными символами. В моих глазах все темнеет, но я могу четко разглядеть три рожицы. Лиса, волк и медведь.

– Туда! – я указываю пальцем вверх.

Небольшая дверь под самой крышей. Обходные пути займут много времени. Я запрыгиваю на платформу, с которой сошел Порицатель. Вениамин забирается за мной. Я нажимаю кнопку, не спуская глаз с той двери.

Какое-то подсобное помещение. Непонятно. Но уже и неважно. Я наблюдаю пугающую картину, как дверца медленно отворяется. Из темного коридорчика вываливается железный саркофаг на цепях. Он висит. А в небольшом окошке я вижу лицо маленькой девочки.

– Это она! – кричу я, взбираясь из последних сил по балкам, не дожидаясь подъема платформы.

Странный гул. По трубкам, прикрученным к саркофагу, начинается течь отвратная жидкость. Нет! Скоро она заполнит саркофаг, и Мэри...

Я опускаюсь на балке, стараясь добраться до трубок и как можно скорее открутить их, но мои руки слишком короткие. Я не могу помочь ей. Поднимаю взгляд и не могу найти Вениамина.

Его нет рядом?

Провожу взглядом вокруг и вижу, как он стоит в другой части платформы возле точно такого же саркофага. За исключением того, что он открыт.

Я поднимаюсь на ноги и осознаю, что происходит.

«Ложись быстро в гроб и окажешься с ней».

Он хочет пожертвовать собой.

Вениамин улыбается мне и шагает в саркофаг. Только он занимает место, острые штыри протыкают его тело, выдавливая болезненные стоны. Он жмурится и корчится. Саркофаг закрывается, по трубкам потекла черная вода, заполняющая новый резервуар. Резервуар жертвы.

Механизм Мэри откачивает жидкость обратно.

Я бегу к Вениамину, не боясь, что от широких шагов платформа может не выдержать и упасть.

Он продолжает улыбаться.

Порицатель его заразил? Что он делает?

– Вениамин! – кричу я, долбя ладонями по саркофагу, – Зачем ты это делаешь?! Мы можем ее освободить без этого!

– Нет, – всхлипывая, но обретая мужество, отвечает он, – Все так, как должно случиться.

Я понимаю, что сейчас не самое время болтать. Жертва Хлебникова спасает Мэри. И как бы я ни старался его освободить, он не хочет, чтобы я мешал ему.

Он говорит мне свои последние слова. И они наполнены равноценно болью и освобождением. А еще я никогда не видел его таким болтливым. Он хочет отвлечь меня. Хочет, чтобы я просто стоял и слушал. Но в его словах проскальзывали минорные нотки, сравнимые с меланхолией искупления и даже будто какого-то вознесения.

– Успокойся, Пит, все кончено. У нас с Порицателем были свои счеты. Когда я встал между ним и человечеством, которое он так ненавидел, он направил свой взор на мою семью. У меня была дочь. Ее звали Юлия. Я любил ее. Знал бы ты, как я любил ее. Единственный лучик света в беспроглядной тьме этого мира. Он похитил ее... Он сделал из нее монстра. Убил не тело, а душу. Еще до тебя мы с моим напарником искали ее. Он завел нас в ловушку. Разделил. Я столкнулся с головоломками в лабиринте, а мой друг наткнулся на нее... У него не было выбора.

Черная вода набралась уже по горло. Я замираю, слушая откровение Хлебникова. Я все понимаю. Порицатель. Вот же мразь.

— Я знал, что мой напарник ни в чем не виноват. Если бы он не спустил курок, Юлия убила бы его и пошла дальше сеять хаос. Я пытался простить его. Пытался. Рассудок говорил, что он сам лишь жертва, но в душе я испытывал неопикуемый гнев. Этот гнев уничтожал меня изнутри. Я все сильнее погружался в пучину отчаянья. Я сам был готов стать отвратительным монстром, лишь ради того, чтобы перестать чувствовать. В конце концов я простил его. Но план Порицателя еще был в действии. В очередной раз. Ты помнишь, ты был там. Тварь подстроила так, что мой напарник и я очутились в камере с галлюциногенным газом. Как оказалось, часть меня не простила его. Извини, Пит. Тогда я знал, что стреляю не в Порицателя. И сейчас я ставлю последнюю точку в нашем противостоянии. Месть не спасает. Спасает самопожертвование. Не дай моей жертве стать напрасной. Продолжи мое дело. Эта девочка должна выжить. Она нуждается в тебе. Этот город нуждается в тебе. Ты отличный парень, Пит. Стань лучшей версией себя. Не повторяй моих ошибок. Цени тех, в ком точно можешь быть уверен. Будь смелым, но осторожным. Не забывай, что даже самая малейшая ошибка иногда может стоить больше, чем все заработанное за жизнь. И, ради всего святого, не мешай водку с темным элем...

Он закрывает глаза. Черные пузырьки знаменуют его скорую смерть. Я прислоняюсь лбом к окошку и стискиваю зубы. Мир жесток. Люди жестоки. Но Вениамин прав. Есть то, ради чего стоит бороться с тьмой. Ради чего стоит верить в

добро.

Я бегу к первому саркофагу. Защелки автоматически открываются, и Мэри вываливается из ловушки. Я в последний момент успеваю подхватить ее.

Девочка без сознания.

Дышит.

Жива.

Я боюсь того, что Порицатель сделал с ее психикой. Вдруг она стала таким же чудовищем, как дочь Вениамина. Это гложет меня. Но надежда, что ее можно спасти и вернуть к прежней жизни, заставляет спускаться к выходу из цеха.

Нужно торопиться. Я заворачиваю Мэри в свой плащ и несу на руках к самому выходу. Внезапно две фигуры заставляют меня замереть на месте.

Роланд и какой-то мужик со снайперской винтовкой за спиной.

Что происходит?

– Отпусти ее, – грозно произносит Президент.

В его руке пистолет. Неужели он действительно так дорожит своей дочерью, что не доверяет даже мне? Но почему?

Я повинуюсь. Именно это слово подойдет лучше. Я просто кладу ее на землю и отхожу, как послушный солдат. Девочка открывает глаза, начинает кашлять и пытается приподняться.

Я с замершим сердцем наблюдаю за ее безумным взглядом. Ее губы двигаются.

– Где мама? – хриплым голосом говорит она.

Да! Она адекватна. Мой разум ликует, но я все еще стою как вкопанный, не понимая, что со мной не так.

– Хорошая работа, мистер Найс. Вы сделали все, как полагается, кхм. Награда уже на вашем счету, – говорит Роланд.
– Жаль, конечно, что девочку спасти не удалось.

В глазах темнеет от ужаса.

Президент поднимает пистолет и нажимает на спусковой крючок. Голова Мэри разрывается на две части, брызгая фонтаном крови. Я кричу и падаю на колени.

Трясущимися руками я хватаю труп и прижимаю к себе.
Часть моей души умирает вместе с Мэри.

Опять.

– Что ты натворил?! – я гневно смотрю на Роланда снизу вверх.

Меня встречает холодный взгляд.

– Это не моя дочь, кхм. Пришлось немного соврать, чтобы ты сделал все правильно.

– Но убивать-то зачем?! Ублюдоки!

Президент передает пистолет ассистенту, и тот шагает в сторону Порицателя. Видимо, чтобы вложить оружие в его мертвую ладонь. Стоп. Это тот же снайпер, что убил Елизавету?

– Видите ли, мистер Найс, кхм, велика вероятность того, что эта девочка вырастет и начнет мстить мне за то, что я заставил ее испытать такой кошмар. Я не могу так рисковать.

Почему? В чем я участвую? Моя голова пухнет от вопросов, на которые может ответить лишь человек, главное оружие которого – ложь. Пытаться дорваться до истины в такой ситуации равноценно лечению отрубленной руки ампутацией второй.

Я отпускаю Мэри и выпрямляюсь во весь рост. Кажется, в барабане револьвера еще есть одна пуля. Надеюсь, ее хватит. Я направляю ствол в лоб Роланда.

Он спокоен.

– Мистер Найс, не делайте глупостей. Я понимаю, что для вас все это выглядит шокирующе, кхм, но вы должны понимать, что я занимаюсь благим делом.

– Каким, к черту, благим делом? Ты ребенка убил, урод! Вениамин пожертвовал собой ради нее.

– Почему вам приходится повторять по несколько раз? Вы же умный сыщик. Впрочем, не важно, кхм. Опустите пистолет. Мы оба знаем, что сейчас вы не выстрелите.

– Ты убьешь меня, как всех остальных. С чего бы мне не побороться за свою жизнь?

– Не придуривайтесь. Если бы я хотел убить вас, то давно бы это сделал. Но, во-первых, для вас отведена специальная роль в моем плане. Во-вторых, я прекрасно знаю, кто вы. Думали, сможете скрыть свою природу, мистер Найс?

О чем он?

Я все еще держу его рожу на прицеле.

– В том пожаре пострадала не только ваша жена, верно?

Вы горели вместе с ней, прижимая к себе и наблюдая, как она погибает. Но не вы. Вы – Перерожденный. Такая мелочь, как техногенная катастрофа, не убивает. Делает слабее, да, но вернуть былые навыки и развить их еще сильнее не составляет труда, верно?

Я опускаю ствол.

Эта тварь продолжает ранить мое сердце даже после всего, что натворила.

Меня переполняют жгучие эмоции. Я пытаюсь сдержать слезы, покусывая губу. Желание выстрелить разрывает изнутри, но я понимаю, что в этом нет никакого смысла. Убийство Президента не вернет... ее.

И все же, сейчас как никогда необходимо оставаться стойким.

– Ладно, – говорю я, – сейчас я тебя не убью. Но кто сказал, что я ничего не буду предпринимать в дальнейшем, скотина?

Он ухмыляется.

– Это все часть моего плана. Я бы объяснил, но, боюсь, вы не поймете, кхм. Да и не хочется тратить время. Скажу лишь, что буду премного благодарен, если вы будете делать то, что посчитаете нужным. Даже если вы поступите не так, как хотели на самом деле. В любом случае, что бы вы ни предприняли, пойдет мне на пользу. Еще раз скажу: я занимаюсь благим делом. Когда-нибудь вы это поймете.

Снайпер вернулся. Чтобы забрать девочку из-под моих

ног. Я с омерзением скалюсь. Он инсценирует смерть Мэри от руки Порицателя.

И я действительно не могу ничего с этим сделать. Да, у меня развязаны руки. И, не смотря на всю брехню Роланда, он словно жаждал, что я выстрелю. Одно простое движение пальцем и я стану врагом народа. И не факт, что выстрел действительно убьет этого подонка. А вот мою репутацию в Юниосе уничтожит в мгновение ока.

Боже, меня поймет только тот, кто знает, что самое сложное это бездействие.

Эти двое уходят.

Я падаю на пол, вдыхая многолетнюю грязь. Опустошенный, обессиленный, потерянный. Я валяюсь на самом дне этого города.

Эта ночь – самое грустное, что происходило в моей жизни. Хочется заплакать, но не получается.

12 ноября 2126 года

Могила Мэри все так же холодна в своем каменном изваянии и все так же прекрасна мерцающей фотографией. Я кладу две синие розы, кланяюсь, выпрямляюсь и поднимаю к небу лицо.

Дождя не обещали, но чувствуется сырость в воздухе. Кажется, ливень нагрянет внезапно.

Я разговариваю с Мэри, как со старым другом:

– Соседа я ненавижу иногда. Особенно когда сверлит. Хочется порой выйти из квартиры, постучать в его дверь кулаком и, когда он откроет, постучать кулаком по его лицу. Да. Бесит он меня, конечно. Сегодня утром опять сверлил. И знаешь что? Я вышел к нему. И попросил выбрать другое время для ремонта. Он извинился, представляешь? Сверлить перестал, пока я не вышел из дома. Оказывается, нормальный мужик. Договорились попить с ним пивка на выходных. Кстати, у него классная сестра.

Я стеснительно улыбаюсь.

– Прости, я не должен тебе говорить подобные вещи. По крайней мере, это как-то странно. Но я знаю, что ты хотела бы, чтобы я перестал все время думать только о тебе. Мы и раньше принадлежали разным мирам, а теперь... Эх.

Я молчу, отведя взгляд в сторону.

– Роланд, – продолжаю уже менее спокойно. – Кажется, я понял, что он сделал. Та кучка оппозиционеров была лишь частью из тех, кто востребован, когда я взялся за поиски его псевдодочери. По всему городу пронеслась невидимая волна. Крысы повылезали из своих нор, чтобы ухватиться за возможность скрутить яйца Президенту. А он все это подстроил специально. Впервые в жизни встретил такого хитроумного притворщика. Я его теперь в какой-то степени уважаю. Но не думай, я взял на себя обязательство разгадать его тайну до конца. Я должен остановить его. Только я в силах это сделать. По щелчку пальца он просто избавил себя

от всех значимых фигур, не позволявших ему открыто централизовать город. Еще какое-то время – и корпорации встанут под началом Исследовательского Института, и абсолютная власть будет у него в руках. Вот только хрен ему, пока я жив! Разумеется, если я встану на сторону оппозиции, ничего не выйдет. Если я расскажу миру правду, меня не поддержат, мне не поверят. Придется играть по его правилам. Только так можно победить. Ведь он меня недооценивает.

Я достаю балисонг и начинаю раскручивать его. Недолго поигравшись с ножом, закрываю и убираю в карман.

– Я сам себя недооцениваю порой. Слишком много думаю и слишком мало понимаю. А истина-то она – вот где. Прямо на самом виду. Близко настолько, что ее даже можно не касаться. Она давно уже где-то внутри. Где-то в душе.

Я молчу. Не хочу ничего больше говорить.

Я один. И вокруг меня прохладные просторы кладбища Давн-сити.

Я больше не ношу плащ. Мне достаточно свитера и теплого шарфа.

Я стою у могилы Мэри и думаю о том, что испытал несколько дней назад. Это действительно изменило меня. Заставило перешагнуть через самого себя. Попрощаться с прежними ошибками и взглянуть вперед.

И я стал меньше ненавидеть тебя, Юниос.

Я стал меньше ненавидеть себя.

В этот день я простил себя за то, что Мэри погибла в по-

жаре. Пусть я реже буду приходить к ней. Она хотела бы, чтобы я, наконец, сбросил ненужный груз и позволил себе повернуться лицом к тому светлому и чистому, что люди называют счастьем.

В этот день я простился с Мэри окончательно.

В этот день мертвые стали покидать свои могилы...

Глава 4. Возвращение

Геката резко распахнула глаза. Тело еще не слушалось, словно во время сонного паралича, но голова отлипла от спинки компьютерного кресла и понуро повисла.

Пухленький мужичок невысокого роста торопливо подбежал к ней. Офисный костюм, прямоугольные очки и взволнованное выражение лица.

– У вас все хорошо? – спросил он, заглянув в ее глаза.

Геката столкнулась с ним взглядом и гневно нахмурилась. Тело очнулось, и девушка начала срывать с себя присоски с проводами, бросая их на пол.

– Какие-то неполадки, девушка? Извините! Не дергайте так оборудование, оно достаточно хрупкое.

– Меня там изнасиловали!

Геката встала с кресла и, убедившись, что ноги ее держат, прошла вдоль коридора, где стояли еще несколько кресел со спящими мужчинами и женщинами. Мужичок – один из инструкторов-консультантов – просеменил следом.

– Ну, что я могу сказать? Поражения – это неизбежная

часть любой игры. Вам не стоило вступать в перепалки сразу же после обучения. Вы ведь первый раз, тем более? Ну, да, первый раз. Еще и без сопровождения. А чего вы хотели?

– Придурок! – Геката резко развернулась к консультанту, остановившись на фоне белой стены с гигантским серым логотипом «ТИТ». – Меня там буквально изнасиловали! Это не игра... Это какое-то сумасшествие!

– Оу. Вот как... Ну, я ничего нового не могу сказать по этому поводу. Вы должны были знать, на что соглашаетесь.

– Так. Все, я ухожу.

Геката приблизилась к ящикам хранения личных вещей и подняла лицо, чтобы камера идентифицировала личность. Ящик с номером «22» открылся, и девушка забрала из него свою сумочку.

– Прошу прощения, хотя, конечно, я и не должен извиняться, – продолжал мужичок, – но у вас осталось еще два часа. Два с половиной, если быть точным. Вы можете использовать их в течение недели. Или передать кому-нибудь другому, заполнив соответствующую форму. Иначе они сгорят, и время придется покупать заново.

– Засуньте эти два с половиной часа себе в жопу!

Геката быстро направилась к выходу.

Консультант вздохнул.

– Знаете, у нас ведь тут не «Урал-Подвал». Камеры стоят, звукозапись. Но я не буду обращаться в правоохранительные органы из уважения к вашей ситуации. До свидания.

Геката открыла дверь. Почувствовав запах свежего воздуха, смешанного с прохладной свежестью после дождя, она замерла. Оглянувшись на консультанта, провожавшего ее взглядом, она плавно закрыла дверь, сделала пару шагов навстречу собеседнику и показала ему средний палец, злобно скривив лицо. Она нашла взглядом ближайшую к ней камеру слежения, показала жест в нее и вышла, громко хлопнув дверью.

Консультант еще раз вздохнул и тихо произнес:

– Когда уже доводчик поставят на дверь? Невозможно работать.

Гекату окутала сырость воздуха. Тонкие лужи, размазанные по тротуару, заставляли ее петлять, подобно велосипедисту, объезжающему конусы. Холод беспощадной осени намекал дуновениями ветра, что пора менять легкую кожаную куртку на что-то потеплее. Девушка шла уверенно, стараясь скрыть взбудораженные виртуальной реальностью нервы.

Ее окружали люди, беззаботно снующие по улицам, автомобили, большая часть которых перешла на альтернативное топливо, и гигантские высотки, похожие на старые добрые хрущевки, но уже в расширенных масштабах. В небе иногда пролетали дроны, обеспечивающие безопасность граждан. Анимированные плакаты пестрели на дорожных баннерах и безоконных сторонах зданий.

Геката надела очки дополненной реальности с наушником, прикрепленным к ним прорезиненным проводком. Пе-

ред глазами всплыл список пропущенных сообщений от Володи. Она поморщилась и смела список к удалению.

Больше ничего важного.

Добравшись до дома отца, девушка зашла внутрь и миновала несколько лестничных проемов: лифт был занят. Впрочем, пятый этаж – это не так высоко.

Зайдя в квартиру, убранство которой оставляло желать лучшего, Геката стянула ботинки, прошла в зал и плюхнулась на старенький диван. Закрыв глаза, она, наконец, приказала себе успокоиться.

Не получалось.

Сняв очки, она покосилась в сторону ванной комнаты и чуть не расплакалась: в квартире она находилась не одна.

Стянув с себя курточку, она повесила ее на вешалку и тихонько приоткрыла дверь. Ванна в темноте выглядела зловеще. Девушка включила свет и вошла внутрь.

Резервуар полностью заполнен водой. Внутри лежал мужчина лет сорока пяти. Аппаратура полного жизнеобеспечения обвивала обнаженное тело, подобно кибернетическим паразитам. Керамический гроб без крышки был похож больше на капсулу сенсорной депривации, а не на ванну. Геката всхлипнула. Отец – как пленник при смерти в технологических кандалах. Страшно даже подумать, что с ним происходит там. Внутри.

Девушка опустилась на колени и, осторожно достав неподвижную ладонь, слабо сжала ее руками. Пульс в норме,

экран, установленный возле ванны, подтверждал это.

Геката нервно выдохнула и закрыла глаза, прислонив ладонь мужчины к своему лицу.

– Прости меня, папа. Я не смогла.

Вытерев слезу, она выпрямилась и положила ладонь на борт ванны, не отпуская ее. Глядя в лицо под прозрачной жидкостью, она закусила губу и медленно выдохнула, чтобы продолжить:

– Я знаю, что ты сам виноват в этом. Ты сам этого хочешь. Но, черт возьми, это неправильно! Уходить туда. Зачем? Зачем ты делаешь с собой такие вещи? Я была там, и я не готова к такому ужасу. Как такое вообще может кого-то привлекать? Неужели ты один из этих извращенцев? Нет, я не могу поверить. Ты всегда был добрым. С детства я любила тебя больше всех на свете. Ты никогда не давал меня в обиду. Как тогда, например, помнишь, в парке аттракционов? Когда большая собака перепрыгнула забор. Кажется, это был алабай. Их еще называют среднеазиатскими овчарками. Все дети разбежались, а я одна стояла как вкопанная. Сколько мне было? Лет пять? Я тогда очень испугалась. А ты подбежал сразу и прогнал ее. Еще пошутил как-то по-взрослому. Я даже засмеялась сквозь слезы. А ты, кажется, испугался сильнее меня. А потом я еще наняла вечером на лишнюю порцию мороженого. Помнишь?

Геката шмыгнула носом и слабо улыбнулась, отводя взгляд.

– Или когда мне было пятнадцать. Какие-то придурки шутили про мою задницу, а ты возьми и сломай нос одному. Столько проблем потом было. Но зато в школе никто и не думал меня обижать после такого.

Геката аккуратно погрузила руку отца в воду и плавно поднялась. Выпрямившись, она утерла слезы и уверенно сглотнула образовавшийся в горле ком.

– Я обязана тебя спасти. Возможно, ты не понимаешь, во что ввязался, но я вытащу тебя. Обещаю.

Как будто стало полегче.

Внезапный сигнал из зала привлек внимание. Геката надела очки и увидела сообщение от подруги:

Вера, 13:47 12.11.2126:

«Ну как ты там? Ты у папы? Я неподалеку уже. Захожу?»

Геката ответила коротко:

«Да»

Спустя двадцать минут Вера зашла в квартиру. Блондинка лет тридцати, одетая в темное платье и укутанная в меховую шубу. Если Геката не любила макияж, то на лице Веры его было с лихвой. Впрочем, ей шло.

– Как же я давно тебя не видела, солнце мое. Как ты? – женщина, переступив порог, слегка обняла подругу, чмокнула в щеку и прошла в зал.

– Это ужасно, Вер. В двух словах не расскажешь.

Блондинка хитро ухмыльнулась и достала из сумки бутылку виски.

– А я подготовилась. Неси бокалы.

– Извини, я пас. Пойдем лучше на кухню. Приготовлю себе чай.

– Хорошо. Настаивать не буду.

Вера отдала бутылку и сняла шубу, чтобы повесить в прихожей. Кивнув в сторону ванной комнаты, она окликнула Гекату:

– Он там, да?

– Вер, я не хочу, чтобы его кто-то видел таким. Ладно?

– Окей, солнце мое.

Вера прошагала на кухню, уселась на стул, достала электронную сигарету, внешне очень похожую на обычную, вставила небольшой стик, подобно тому, как патрон заряжают в ружье, включила устройство, закинула ногу на ногу и расслаблено облокотилась о стол.

– Ну, солнце, выкладывай!

Геката налила виски в стакан, бросив туда пару кубиков льда, и поставила перед подругой. Себе же она заварила горячего чаю и села у окна.

Повисла недолгая пауза, за которую Вера успела втянуть и выдохнуть пару клубов быстро растворяющегося дыма.

– Я приехала вчера. Хорошо, что ключ есть. Он не отвечал на мои звонки и в сети не появлялся больше недели. Чуть в обморок не упала, когда увидела его в этой жиже. Сразу же в скорую позвонила. Они приехали, врач посмотрел и плечами пожал. Говорит, мол, не их компетенция. Они что-то

пробили по нему, полис спрашивали, все такое. Заключили в итоге, что в реестре он зарегистрирован и все законно. Что за реестр, что за регистрация, черт знает. Когда они уходили, я чуть скандал не закатила.

– А надо было. Они совсем оборзели в последнее время. У них человек буквально в коме лежит, а они отнекиваются. Бред какой-то.

– Мне сообщили, что он заказывал специалистов, чтобы они установили систему и проинструктировали его. Он лично подписал все документы. Чисто юридически здравоохранение действительно ни при чем. Ну да ладно. Дальше я позвонила в службу поддержки «ТИТ».

– Это та контора, которая в свою игрушку людей вербует?

– Типа того. «Трипл Интеллектуал Технолоджи», если не ошибаюсь. Не важно. Я объяснила им ситуацию, а они сказали, что отключать от системы человека нельзя, пока он сам внутри игры не выйдет. В скорой, кстати, то же самое сказали. Нелицензированное отключение может повлечь уголовную ответственность. Мозги якобы расплавятся у игрока. Короче, проверять я не собираюсь.

– Правильно, солнце мое, торопиться нельзя. Надо с умом подходить.

– Ну, дальше я спросила, что мне делать. У папы работа, да и вообще реальный мир, а он пропал там без вести. Мне сказали, что вариантов немного. Либо я заказываю услугу по отправке специалиста, который должен убедить моего папу

выйти из игры. А это стоит просто нереальных денег.

– Сколько?

– Очень много. Дешевле среднюю машину купить.

– Обалдеть. Грабеж! Как такое вообще возможно?

– Не знаю. Короче, второй вариант – искать человека, который на благотворительных условиях этим займется. Но опять же у меня месяц уйдет на поиски такого добровольца.

– А еще варианты?

– Идти в компьютерный салон, регистрироваться и самой...

Геката шмыгнула носом, отвела взгляд и машинально обхватила ладонями чашку с чаем.

– Что самой? Туда, в вирт?

– У меня не было выбора. Я не могу просто так сидеть и ждать, когда он очнется.

– Жесть. И что там? Ты нашла его?

Вера выдохнула очередной клуб дыма и взглянула на мерцание лампочки в электронке. Выключив устройство, она достала стик и лениво поднялась со стула, чтобы выкинуть его в урну под раковиной.

– Нет. Не все так просто. Регистрацию я прошла успешно. Меня проинструктировали. Объяснили, что такое отыгрыш и оффтоп. Сказали, что система запрещает общаться о реальном мире и каждый игрок обязан вжиться в роль.

– Бред. Совсем с ума сошли со своими игрушками. А почему ты отца не нашла?

– Вер, там беспредел. Я очнулась в какой-то тюрьме, меня избивали. Калечили, мне обглодали лицо, а потом ограбили и довели до суицида. Я не смогла.

– До суицида? Тебя? Вот уроды! Так, слушай, у меня есть юрист. Надо с ним связаться и засудить этих мразей. Сейчас позвоню.

Вера надела очки и, отведя голову в сторону, начала искать нужный номер.

– Не надо. Я узнавала, это не поможет, – остановила ее Геката, быстро дотронувшись кончиками пальцев до ее плеча.

– И что теперь делать-то?

– Я не знаю, Вер. Не знаю. – Геката отодвинула чай и встала за еще одним стаканом. – Слушай, плесни мне тоже. Только чуть-чуть.

Вера наполнила стакан наполовину и сжала своими пальцами ладонь подруги.

– Солнце мое, нужно разбираться. Писать заявления, обращаться к блогерам-общественникам, добиваться своего. Поняла? Они человека в заложниках держат. Это не нормально.

– Я не буду опускать руки.

– Ладно. Знай, я полностью на твоей стороне. И тут такое дело, я тоже кое-что хотела тебе рассказать.

– Что? – Геката поднесла стакан к лицу.

Взгляд Веры слегка помрачнел, губы незаметно дрогнули. Она отвела взгляд к окну и выждала паузу, за которую Геката

сделала глоток виски.

– Давно еще сказать должна была, но как-то случай не подворачивался. Короче, я спала с твоим отцом.

На несколько секунд на кухне повисла тишина.

Геката подавилась слюной и покашляла. Вера взволнованно посмотрела на нее и привстала с кресла, желая помочь, но та закрыла рот ладонью, отрицательно помотав головой.

– И что? – Геката шмыгнула и сделал глоток спиртного снова. – Зачем мне эта информация?

– Ну как? Я ведь тебя выслушала. Думаю, и ты меня готова. Разве нет?

– Мне неинтересно, кто с кем трахается. Прости.

– Солнце мое, тебя это задело?

– Нисколько. Есть еще что рассказать?

– Гек, в этом нет ничего зазорного. Просто дай мне взглянуть на него хоть одним глазком.

– Уходи, Вера.

Блондинка опешила и с непониманием посмотрела на подругу.

– Что?

– Я четко сказала, – девушка встала и скрестила руки на груди, – уходи. Тебе пора.

– Ладно-ладно. Не думала, что ты так отреагируешь. Прости. Давай сменим тему. Когда мы с тобой болтали последний раз?

– Я сказала: проваливай! – Геката повысила голос, стук-

нув ладонью по столу. – Выметайся! Что непонятного?

Вера встала из-за стола и медленно вышла в прихожую, чтобы собраться. Поведение подруги испугало настолько, что она даже и не знала, как ответить. Геката молча наблюдала за ней.

– Если будут какие-то изменения, звони, пожалуйста. – Вера не могла смотреть на подругу – взгляд той испепелял ненавистью.

Геката подобно тюремному охраннику проводила подругу, закрыв за ней дверь. Вернувшись на кухню, она сложила руки на стол и уткнулась в них лицом. Всхлипнув, она сжала ладонь, царапая ее короткими ногтями. Желчь затапливала нутро. Сердце прокалывали ртутные клинышки. Эта печаль похожа на шествие с ума.

Вера подняла больную тему, и она прекрасно знала об этом.

Поступил звонок от незнакомого номера.

Геката ответила.

– Гека, только не клади трубку! – знакомый мужской голос.

Настолько знакомый, что девушка морщится, будто в рвотных позывах.

– Володя! Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не звонил мне больше? Когда ты своим мелким мозгом осознаешь уже, что я тебя ненавижу?

– Гека, выслушай меня, не отключайся. Я слышал про тво-

его бату. Он – классный мужик, и я просто обязан ему помочь. У нас с тобой разногласия, базару нет. Я уже и не надеюсь, что ты простишь меня. Просто дай мне возможность спасти человека, который тебе дорог. То, что с твоим батей происходит, не есть хорошо. У меня один знакомый человек шарит за эту тему. Мы можем что-нибудь придумать. Слышишь?

– И ты считаешь, что я готова стать твоей должницей? Ни за что!

– Пожалуйста, Гека. Забудь о наших отношениях. Тут же вопрос жизни и смерти.

– Если бы это не был мой отец, тебе бы было на него наплевать. Так что это ты забудь о наших отношениях. И если еще раз вздумаешь позвонить, я, наконец, напишу в полицию.

– Боже, как же с тобой трудно. Если бы у него был кто-то кроме тебя, я даже и не подумал спрашивать. Уж прости за эти слова, милая. Но помочь твоему бате можно только через тебя.

– Ты все сказал?

– Нет, но...

– Так говори быстрее и сваливай к чертям из моей жизни!

– Эх, Гека. А я ведь любил тебя.

– Пошел ты.

Девушка сбрасывает вызов и снимает очки. Чувствуя неугомонное желание разбить гаджет о стену, она скалит зу-

бы и рычит сама на себя.

И тут взгляд сталкивается с зеркалом. Она смотрит на отражение озлобленной, униженной и отчаянной тени. Она устало роняет очки на пол и падает на колени, закрывая лицо. Ей хочется закричать, но получается лишь выдавить сиплый вой.

Геката молча задает вопрос в пустоту: почему мир так жесток?

Столько дерьма свалилось ей на голову в одночасье.

Ей хочется успокоить себя, но сердце бешено колотится, а руки трясутся, как с похмелья. Поднимаясь с пола, она решает умыться, но вспоминает, что ванная «занята».

Тяжело вздохнув и ударив стену тыльной стороной ладони, Геката плетется на кухню к раковине. Прохладная вода пробуждает ее от страданий лишь на долю секунды. Дальше эта фишка не помогает, лишь накаляет еще сильнее.

Геката решает, что ей нужно выйти на свежий воздух. Находиться в квартире отца настолько невыносимо, что она боится потерять рассудок.

Она надевает куртку, еще раз глядит в сторону ванной и покидает квартиру.

– Задумывались ли вы о том, может ли человек вынуть свою душу из тела и погрузить в мир совершенно новый, наполненный невероятными чудесами и интересными собеседниками? Иная реальность, где сбываются сокровенные меч-

ты, уже сегодня стала доступной возможностью. Здравствуй-те, уважаемые зрители, это программа «Уникальные Люди», я – ее бессменный ведущий – Владимир Лю. И сегодня у нас в гостях потрясающий человек, представитель интеллектуальной элиты, заместитель директора корпорации «ТИТ» Эльдар Сековский. Добрый вечер, Эльдар Эммануилович!

– Приветствую, Владимир. Очень рад, что меня пригласили.

– Благодарю за лестные слова. И сразу же перейду к первому вопросу. Как вам удастся совмещать работу и семейную жизнь? Еще и успеваете посещать места, подобные сегодняшней студии. Строгий распорядок дня? Эффективный тайм-менеджмент? Поделитесь секретом, пожалуйста.

– На самом деле, нет никакого секрета. Я занял нишу, в которой мне комфортно. Я уделяю своей семье достаточно времени, а на работе стараюсь не засиживаться. Необходимо помнить о себе, вы же понимаете. Чем больше ты стараешься сделать якобы важных дел, тем меньше времени остается на настоящую жизнь.

– Вы имеете в виду, что достигли такого карьерного роста, не прибегая к трудоголизму?

– Именно.

– Отлично! Надеюсь, зрители возьмут на вооружение такую приятную стратегию. И раз уж мы начали говорить про семью, расскажете что-нибудь интересное из своей личной жизни?

– Я знал, что вы спросите. Правда, совсем не подготовился. У меня часто интересуются женой и детьми, что я вряд ли сейчас вспомню что-нибудь новенькое. Ну, разве что, могу рассказать про своего кота.

– Домашние животные – это всегда мило. С удовольствием послушаем.

– Было это года два назад. Или три. Как-то раз, когда моя дочь притащила с улицы бездомного котенка, я не смог ей отказать. В благодарность она предоставила мне возможность выбрать ему имя. Я назвал его Шредингером.

– Забавно.

– Это была моя ошибка.

– Оу, боюсь спросить, что же с вашим котиком. Вы ведь не проводили над ним эксперименты?

– Хах, нет. Все дело в том, что каждый раз после того, как он опустошит свою кормушку, минут через пять он начинает скоблиться и мяукать. И делает это до тех пор, пока ему снова не насыпят корма. Вот и получается, что кот вроде бы и сыт, но в то же время голоден.

– А-ха-ха.

– Да, не узнаешь точно, пока не наполнишь миску еще раз.

– Я думаю, сейчас все зрители, у которых есть кошка, задумались о том, что неправильно назвали своего питомца.

– Представители семейства кошачьих имеют зверский аппетит. Я не специалист, но считаю, что все дело в хищнической природе. Пока травоядные постоянно что-то жуют,

хищники могут сутками не есть, но, когда ловят добычу, отъедаются до отвала.

– Интересное наблюдение. Давайте перейдем к вашей работе непосредственно. Расскажите что-нибудь про «ТИТ». Как вам удалось за такие короткие сроки превзойти всех конкурентов? Между прочим, корпорации, долгими десятилетиями развивающиеся в сфере виртуальной реальности, имели гигантский успех, как в научных кругах, так и перед массовой аудиторией.

– Ах, да. Воротилы бизнеса. Ну, тут ничего удивительного. Пока такие корпорации, как «ГормоСофт» около века занимались классической технологией виртуальной реальности полного погружения, мы пошли совершенно новым путем.

– А вот тут можно поподробнее. Что за классическая технология? И как вы отказались от проверенных методов?

– Виртуальная реальность возникла еще в двадцатом веке. Компьютерные симуляции передавали людям происходящее посредством визуальных и аудиальных проявлений. С развитием кибернетической промышленности создатели полного погружения постепенно внедряли аппаратуру, способную передавать запахи, вкусы и тактильный опыт из симуляции. Сначала это делалось с помощью прямого воздействия на органы чувств. Ну, знаете, всякие шлемы с экранчиками, наушники, аэрозоли и прочая приبلуда. Затем после развития нейробиологии и кибернетики ученые научились

воздействовать непосредственно на нервную систему, позволяя компьютерам буквально обманывать восприятие человека. Это имело свой успех. Ведь любой прорыв в науке всегда вызывает бурный всплеск внимания. Но по сравнению с нашими разработками виртуальная реальность, действующая на нервную систему, обладала значительными недостатками.

– Какими же?

– Мощные симуляции могли пагубно воздействовать на здоровье погружающихся. Поэтому крупные фирмы с многомиллиардными бюджетами ограничивались слабенькими симуляциями, которые проигрывали по своему качеству старым технологиям. Конечно, те же «ГормоСофт» работают над оптимизацией, но, сами понимаете, эволюция у них притормозилась знатно.

– И теперь на сцену вышли «ТИТ». И как же вам удалось завалить гигантов?

– Все просто. Пока они постепенно развивались, демонстрируя и внедряя свои технологии в массы, мы изучали основные проблемы и старались по-новому взглянуть на возможность полного погружения. Воздействие на органы чувств и нервную систему – это всего лишь обман восприятия, но никак не абсолютное проникновение в симуляцию. Мы изучали фундаментальные основы физики, психологии и даже философии. Долгое время в научных кругах самой значительной проблемой являлась тема сознания.

– О, видимо, это надолго. Верно?

– Я постараюсь покороче. Простыми словами, «сознание» – это самое парадоксальное явление во вселенной, способное нарушать классические законы бытия, но при этом каждый человек живет с этим почти с рождения и до самой смерти.

– А как же теория «философского зомби»? Неужели вы не даете шанс подобным гипотезам?

– Наши исследования как раз это опровергли. Каждый человек обладает сознанием. Оно формируется в первые месяцы жизни, кстати. Не сразу. Так вот, множество гениальных умов трудилось над вопросом того, почему реальность рассматривается с точки зрения изучения объектов, а сознание может быть только субъектом. Мы решили, что биться над этим не стоит до тех пор, пока не возникнут технологии, способные производить переворачивающие мир открытия. Одно из таких открытий повлекло за собой изучение кварков. Казалось бы, кварки не способны делиться на составные частицы. Но в 2105 году удалось расщепить их на совершенно новые фундаментальные элементы. Это привело к эволюции в мировой физике. Чуть позже мы смогли разделить и нейтрино.

– Кажется. У меня сейчас мозг взорвется.

– У всех понимающих людей уже взорвался. Изучение новых, еще более мельчайших частиц позволило разобраться в колоссальном количестве парадоксов вселенной.

– В том числе и с проблемой сознания?

– Совершенно верно. Мы нашли способ абсолютный субъект сделать объектом. Не побоюсь столь громкого заявления, но мы открыли и доказали то, что с уверенностью можно называть душой. И она есть у каждого человека.

– Потрясающе.

– Самое интересное, что ученые долгие годы бились над тем, как можно оцифровать сознание. А мы обнаружили, что этого даже не нужно делать. Сознание уже имеет особенности виртуального характера. Остается лишь перенести его в симуляцию с использованием соответствующего оборудования.

– Вы буквально сделали невозможное. Не удивительно теперь, что так взлетели.

– Я вам так скажу: невозможное – иллюзия человеческого оценивания. Многие открытия вдохновлялись не научными изысканиями, а выдумками самых простых мечтателей. Вспомните Жюль-Верна и других фантастов, которые описали технологии, о которых инженеры даже не задумывались.

– Это да.

– Более того, каждое поколение людей считает, что достигло своего пика. В этом и кроется ошибка совершенствования. Прогресс никогда не достигнет своего финала. Мы всегда будем развиваться и делать открытия. И самое главное – не останавливаться. Лично я, когда у меня что-то не получается, делаю следующее: пытаюсь представить, как попадаю в средневековье, нахожу там самого умного человека

и пытаюсь объяснить ему, что такое радиоактивные волны.

– Боюсь, такой мысленный эксперимент оканчивался сожжением на костре?

– Совершенно верно. Нельзя смотреть в прошлое. Будущее не откроет тебе своих дверей, пока ты не посмотришь в его сторону.

– Очень мудро. Кстати, а что можете сказать о самом продукте вашей компании? Слово «Катарсис» у всех на слуху и стало даже своеобразным мемом в инсайднете.

– Говорить о «Катарсисе» можно бесконечно. Что конкретно вас интересует?

– Я плохо знаком с компьютерными играми. Слышал только о старой классике от какого-нибудь Кодзимы, но подробно в эту ветвь искусства не вдавался. Даже не знаю, что интереснее всего зрителям, являющимся искушенными фанатами виртуальной реальности. Поэтому рискну спросить о том, что нового «Катарсис» привносит в игровую индустрию и мировое искусство в целом?

– Реализм.

– Реализм?

– Да. Даже никаких раздумий. Реализм «Катарсиса» – это не просто хорошая графика или качественный контент, продуманный нарратив или «живые» персонажи. Все это у нас, без сомнений, есть, но самое главное, что мы продвигали в игре, – это чувство восприятия мира. Ты пьешь фруктовый сок и чувствуешь его вкус. Касаешься рукой другого челове-

ка и ощущаешь, как по его коже проходят приятные мурашки. Это совершенно новый опыт, к которому боялись прийти другие деятели культуры.

– Кстати, хочу задать щекотливый вопрос.

– Пожалуйста.

– Вот вы говорите об ощущениях. А что насчет боли? Катарсис ведь не самое спокойное место, насколько я слышал.

– Отличный вопрос. Я часто разговаривал с друзьями и коллегами на эту тему. Мнения о боли в виртуальной реальности расходятся, но лишь у тех, кто лично не знаком с технологиями «ТИТ». Видите ли, восприятие внутри «Катарсиса» можно сравнить с восприятием внутри сновидения. Однажды мне приснилось, как какой-то злой человек втыкает кухонный нож мне в грудь. Я проснулся в холодном поту и тут же ухмыльнулся. Никогда не думал, что нож в сердце – это не больно. Но там во сне ощущения мне казались реальными. До того как очнуться, я верил в то, что мне вонзили кусок острого металла прямо в ребра. Позже это послужило одной из идей для механики, над которой мы упорно работали. Боль в «Катарсисе» не калечит, а, наоборот, исцеляет.

– Оп-па, это как?

– Боль является сигнализацией организма о тех или иных повреждениях. Она изначально призвана помогать человеку понять, что приносит ущерб телу или даже душе. Вернемся к теме снов. Мы забываем гигантский объем сновидений и лишь изредка запоминаем, что нам снилось в последние

секунды. Если даже во сне мы прожили многие часы. Наш организм специально застилает наше сознание, чтобы мы не помнили, что доводится испытывать во время всей фазы активного сна.

– Быстрого сна? Извините, перебил.

– Да, быстрого сна, верно. Так вот, исследования показали, что сны прогоняют наше сознание через колоссальный пласт всевозможных негативных и неудобных ситуаций. Я говорю о том, что человек подсознательно крепнет в психологическом плане. А возвращаясь к «Катарсису», я добавлю, что наша виртуальная реальность также заставляет крепнуть людей, имеющих смелость ступить в этот фантастический мир.

– Невероятно. Это действительно «Вау»! То есть, если меня ударят топором внутри игры, я испытаю боль, поверю в то, что испытываю боль от топора, но при этом я не буду испытывать дискомфорта, как от реального увечья?

– Оу, ну, некоторый дискомфорт вы все-таки испытаете. Особенно, если вы – новичок. Но это сравнимо, например, с реакцией зрителей «Прибытия поезда на вокзал Ла-Сьота» братьев Люмьер.

– Это самый первый фильм, показанный в кинотеатре? Говорят, еще люди в панике срывались со своих кресел?

– Да. Но насчет бурной реакции спорно. Я бы сказал, больший ажиотаж в свое время произвела экранизация Гоголя «Вий», но это тонкости.

– И, тем не менее, многие посчитают, что сомнительно сравнивать кинематограф и полное погружение в вирт.

– Согласен. Если единственным ограничением кинематографа является возрастной рейтинг, то до «Катарсиса» совершеннолетний обязательно должен пройти медицинский осмотр, который подтвердит, что он физически и ментально способен выдержать такую нагрузку на психику. Я лично руководил разработкой данных тестов и уверен, что они полностью валидны.

– Вы поистине уникальный человек, Эльдар Эммануилович. Ну а на этом наше время подходит к концу. Попрощаемся с нашим гостем и пожелаем ему дальнейших успехов в его карьере и личной жизни. Это программа «Уникальные Люди». В гостях был Эльдар Сековский. Я – бессменный ведущий Владимир Лю. Цените всех, кто у вас есть. Всего доброго!

Геката сидела в автобусе, наблюдая за передачей, транслируемой прямо в очки. Ее лицо пронизывало выражение глубокого презрения. Она даже скривила губы.

Две известные личности мило болтали в студии, даже не догадываясь, сколько боли простым людям могут принести эти навороченные технологии. Знает ли Эльдар Сековский о том, какие проблемы приносит полное погружение в виртуальную реальность? Геката ненавидела этого человека, но ей

приходилось слушать. Путь до дома не близкий.

И когда, наконец, передача «Уникальные Люди» сменилась музыкальным клипом, девушка нервно вздохнула и закрыла глаза.

Сказанное Сековским произвело на нее впечатление. Как он может говорить о душе, когда они буквально держат в заложниках эти самые души?

– Да что бы вас обоих в задницу отымели, – сурово произнесла Геката, потирая висок.

– Что-что вы сказали? – хрипло проговорил морщинистый старик, сидящий напротив.

Рядом со стариком притулилась пожилая женщина и осуждающе глядела на Гекату. Несмотря на спортивную одежду, априори хоть немного, но омолаживающую, парочка выглядела лет на сто. Хотя закрадывались сомнения насчет того, действительно ли у них проблемы со слухом.

– О, это я не вам, – Геката махнула рукой, чтобы те не обращали на нее внимание.

Размышления Гекаты продолжались. На экране уже сменились несколько блогеров, демонстрирующих новые тренды в меломаниакальных извращениях, а она все еще представляла лицо ученого, испоганившего ей жизнь.

Цепочка рассуждений о демонической природе полного погружения от компании «ТИТ» привела к тому, что Геката всерьез задумалась об изучении этой конторы.

Но какая речь может быть о расследовании, когда молодая

двадцатидвухлетняя бывшая студентка не разбирается даже в журналистике?

Геката закрыла глаза. А через пару мгновений откровенно зажмурилась. Попытки отключиться от внешних раздражителей все равно наталкивали ее на щекотливые раздумья.

Нахлынули воспоминания о детстве. Как она была счастлива со своими родителями. Маленькая Геката сияла центром семьи, словно крохотное солнышко, согревающее и дающее свет. Благоговение перед взаимной заботой, расстилающее просторы прекрасного мира, блистающего за окном уютного семейного шалаша. Так жизнь текла до тех пор, пока Гекате не исполнилось девять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.